К. КОЛЛОДИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПИНОККИО

Перевод с итальянского Нины Петровской

Переделал и обработал
Алексей Толстой

Издание Акц. О-ва „Накануне“
Берлин 1924.

Copyright by Nakanune
Akt.-Ges. Berlin 1924
Все права в России и
заграницей сохранены
за Акц. О-вом „Нака-
нуне“ Берлин 1924
Alle Rechte vorbehalten

◆

Обложка и рисунки Льва Малаховского

Типография Акц. О-ва „Накануне“, Berlin SW 19.

Столяру, по прозванию Вишня, попалось в мастерской полено, которое смеялось и плакало как ребенок

Жил да был...

Король?.. Ну, нет, — ошиблись. Жило да было полено, самое обыкновенное полено для топки печей в зимнюю пору, и, уже не знаю как, попало оно в мастерскую столяра Антона, по прозвищу Вишня.

Звали Антона так потому, что нос у него был красный с сизым налетом, совсем, как спелая вишня.

Увидав полено, Антон ужасно обрадовался и сказал, потирая руки:

— Вот штука хороша. Сейчас смастерю из него ножку, починю стол.

Сказано — сделано. Антон взял рубанок и начал было строгать. Но вдруг в ужасе отскочил: тоненький, тоненький голосок пропищал:

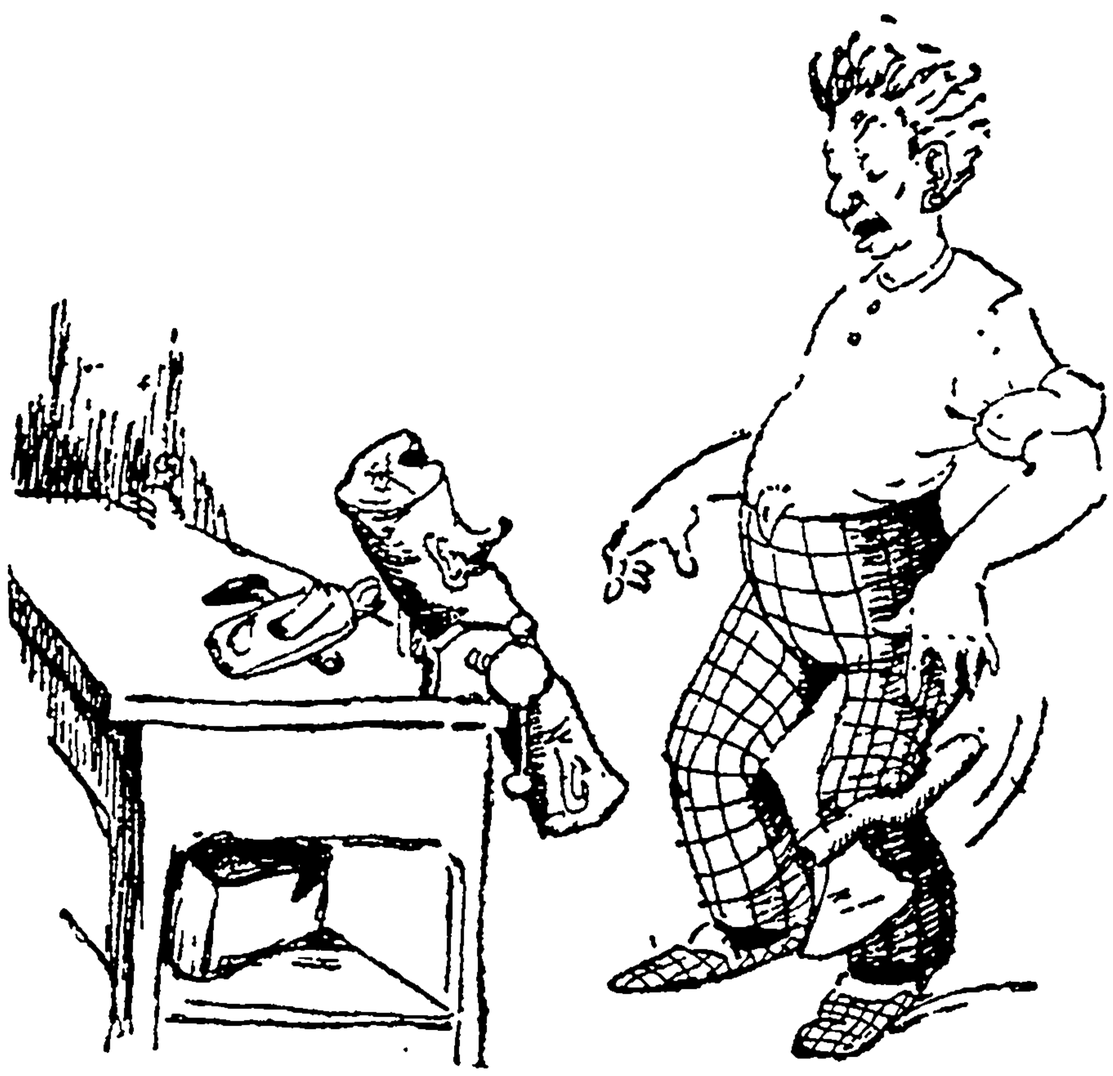
— Ой! Потише, пожалуйста!

Выпучив глаза, Вишня стал оглядывать мастерскую. Нет никого. Заглянул под скамейку, и там никого, открыл шкап, — никого, посмотрел в корзине со стружками, — тоже никого. Высунул нос за дверь, — ни души и на улице.

— Что такое? Вот так штука!

Подождал, подождал, засмеялся и почесал в затылке:

— Значит, это мне просто приметилось.
Опять взял рубанок и струганул, как следует...
— Ой! больно! — заплакал тот же таинственный голосок.



На этот раз Вишня сильно испугался. Глаза у него вылезли на лоб, язык повис до подбородка. Наконец, он чуть-чуть пришел в себя и проворчал, все еще дрожа со страха:

— Ну, если это кто-нибудь выдумал подшутить надо мной, тогда берегись. Эгэ!

Схватил полено и изо всей силы начал колотить им об пол. Потом прислушался, не плачут ли опять. Подождал две минуты, пять минут, десять минут, — ничего не слыхать.

— Понял — сказал он, ероша на голове парик, — это мне опять померещилось. Ну, Антон Вишня, — за работу.

Чтобы прогнать жуть, он стал мурлыкать под нос песенку. Постругал, постругал. Вот и ножка готова! Вишня стал было ее полировать, но вдруг тот же таинственный голосок пискнул насмешливо:

— Ой, ой, не щиплитесь, пожалуйста!

Тут Вишня упал на пол, как подкошенный, и нос у него от страха стал совсем синий.

Антон дарит недоструганную ножку своему другу

В дверь постучали.

— Войдите, пожалуйста, — слабым голосом сказал Вишня, еще сидя на полу.

В мастерскую вошел его приятель, очень веселый старичек, по имени Карло.

Соседние мальчишки дразнили его «Рыжиком», потому что он носил рыжий парик. Карло ужасно обижался на это прозвище.

— Здравствуй, Антон! — сказал Карло. — Что это ты делаешь на полу?

— Учу муравьев считать...

— Ну, бог на помощь!

— Что занесло тебя в наши края, дружище?

— Ноги, голубчик! Ноги! — сказал Карло. — Вот хотел попросить тебя об одном одолженьице?

— Рассказывай, о каком одолжении хотел меня просить.

— Видишь ли, я задумал — опять сказал Карло — смастерить деревянного Петрушку, но Петрушку особенного, который будет танцевать, драться на шпагах и прыгать сквозь обручи. Вот я возьму его и пойду бродить по свету, зарабатывать себе на хлеб. Хватит и на стаканчик винца, как ты полагаешь? А? Ловко ведь придумано?

— Прекрасно, Рыжик, придумано, — запищал откуда-то тоненький голосок.

Услыхав слово «Рыжик», Карло покраснел, как перечный стручек, и закричал на Антона:

— Ты что это ругаешься, негодяй!

— Кто тебя ругал, бог с тобой...

— Ты назвал меня Рыжиком!

— Нет, не я!

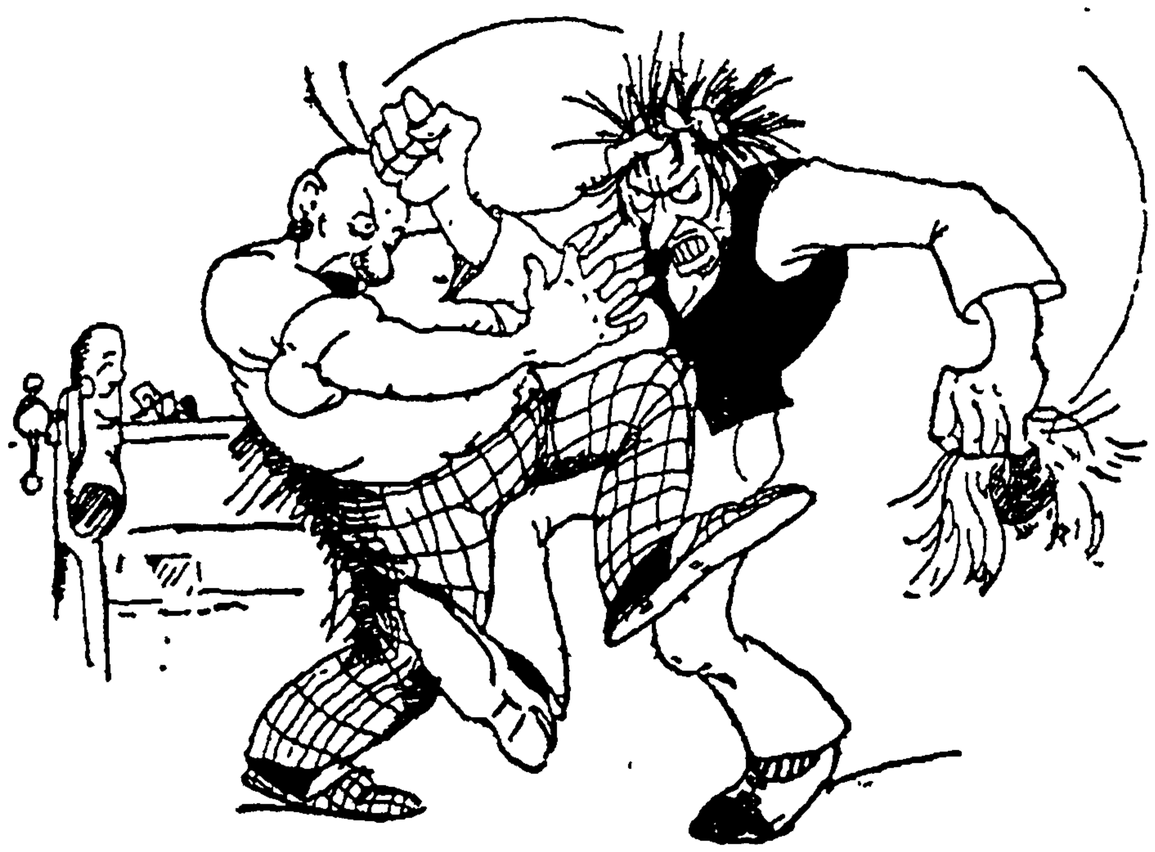
— Нет, ты!

— Нет, не я!

— Ты!

— Нет!

— Ты!



От слов недолго и до дела. Старики вцепились друг другу в парики и начали тузить друг друга.

Наконец, парик Рыжика очутился в руках Антона, а Антонов парик в зубах у Рыжика.

— Отдай мне мой парик, — сказал Антон.

— Нет, ты отдай мой парик, — сказал Рыжик, — тогда помиримся.

Старики надели каждый свой парик, пожали друг другу руки и поклялись в вечной дружбе.

Когда мир был заключен, Антон спросил:

— Ты, кум, чего-то хотел у меня попросить. Проси, не стесняйся.

— Я, кум, хотел попросить у тебя кусочек дерева для моего Петрушки.

Вишня обрадовался.

«Отвяжусь я от этого проклятого полена», — подумал он, и, взяв со станка полено, протянул его куму:

— На, вот возьми!

Но полено вдруг вырвалось из рук Антона и само принялось колотить Рыжика.

— Ах, вот какие твои подарки! — закричал Рыжик.

— Ей богу, это не я!

— Значит, я сам себя бью?

— Это полено тебя колотит.

— Я знаю, что полено меня колотит, я знаю, что ты меня давно собирался убить.

— Вот дурак беспонятный!

— От дурака слышу!

— Не ругай меня дураком, а то и я тебя обругаю... Рыжик!..

— Осел!

— Рыжик!

— Скотина!

— Рыжик!

— Скверная обезьяна!

— Рыжик!

Услыхав в третий раз «Рыжик», Карло принялся колотить кума. После этой второй потасовки у Антона оказался исцарапанный нос, а у Карло не хватало двух пуговиц на куртке.

Старики устали, запыхались и, протянув друг другу руки, второй раз поклялись в дружбе, кончилось дело тем, что, взяв полено под мышку и прихрамывая, Карло направился домой.

Карло, вернувшись домой, сейчас же принимается мастерить Петрушку

Карло жил в полутемной каморке под лестницей. Стояли в ней безногое кресло, узенькая койка, да разломанный столишка. В глубине виднелся затопленный каминчик. Но огонь в каминчике был нарисованный, так же был нарисован над огнем кипящий чугунчик.

Карло вошел в каморку и принялся за дело.

«Как бы мне назвать Петрушку? — раздумывал он. — Назову-ка его «Пиноккио». Это имя принесет мне счастье. Я знал одно семейство — всех их звали Пиноккио. Отец — Пиноккио, мать — Пиноккио, дети — Пиноккио, все они жили прекрасно. Самый богатый из них просил милостыню»...

Так Карло назвал Петрушку Пиноккио и принялся за дело, вырезал на полене волосы, потом лоб, потом глаза.

Но представьте себе его изумление, когда глаза вдруг сами задвигались и уставились ему в лицо.

Карло перепугался, но не подал виду, а только ласково спросил:

— Деревянные глазки, почему вы на меня уставились?

Но Петрушка молчал. Карло продолжал строгать. Выточил нос, но только кончил вытачивать, — вдруг нос принялся расти и вырос такой длинный, что Карло даже крякнул:

— Вот так носище!

И стал было спиливать его, но не тут то было: нос так и остался носищем. Карло принялся за рот, но не успел его вырезать, как следует, — вдруг рот стал хохотать, как сумасшедший.

— Перестань! — крикнул Карло.

Рот перестал хохотать, но изо рта высунулся длинный, предлинный язык и стал дразниться. Не обращая уже внимания на эти проказы, Карло продолжал прилежно работать, строгать, точить, ковырять Петрушку. Сделал подбородок, шею, плечи, туловище, руки. Но едва кончил стругать руки, — хвать! — руки стащили парик с его головы.

— Отдай парик! — закричал Карло.

А Петрушка уже нахлобучил себе парик на голову по самые глаза, и — хохочет, заливается.

Видя все это, Карло ужасно огорчился и, обратившись к Петрушке, сказал:

— Я еще мастерить тебя не кончил, а ты уже за проказы принялся. Это очень плохо с твоей стороны!

Карло сказал все это и даже вытер глаза рукавом, — так ему стало обидно. Теперь оставалось сделать только ноги. Петрушка дал ему ногой пинка прямо в нос...

«Я этого не заслужил, — подумал Карло. — Но ничего не поделаешь, надо кончать работу». Он поставил Петрушку на пол, и стал учить его ходить. Пиноккио выучился ходить очень скоро, стал бегать, прыгать, а потом — скок, скок! — и за дверь.

Карло за ним... Но где уж тут... Петрушка прыгал, как заяц, только ножки деревянные постукивали по камням.

— Держи его! Держи его! — завопил Карло.

Прохожие, видя бегущего Петрушку, только хохотали от восторга. К счастью, на углу улицы стоял городовой. Заслышав крик и хохот, городовой подумал, что должно быть у кого-нибудь убежал из конюшни жеребенок, и решил его поймать во что бы то ни стало.

Ч. Малаховский.

Он расставил огромные ноги, стал посреди улицы и ждал. Увидав полицейского, Петрушка хотел прошмыгнуть у него между ног, — но не тут-то было. Полицейский поймал его и, защемив двумя пальцами нос Пиноккио, сдал его с рук на руки Карло.

Карло хотел было надрать уши шалунишке, но представьте себе, — ушей у Пиноккио и не оказалось: второпях Карло забыл сделать уши. Тогда, схватив озорника за шиворот, Карло потащил его домой.

— Погоди, разделаюсь я с тобой, разбойник.

Пиноккио, испугавшись, бросился на землю и не двигался, как мертвый. Собралась толпа. Стали судить да рядить:

— Бедняжка, — жалели одни, — конечно, он боится итти домой, старик изобьет его до полусмерти.

Другие говорили:

— Карло — это ехидный старикашка: он только притворяется хорошим человеком, а с детьми зверь! Он убьет несчастного Петрушку. Искрошит его в куски.

Одним словом прохожие такого наболтали, что полицейский отпустил Пиноккио и повел в тюрьму старого Карло. Бедняга шел и выл, как теленок:

— Ой, ой, ой! Себе на горе сделал я проклятого Петрушку!

Встреча Пиноккио с Говорящим Сверчком

Итак, Карло ни за что, ни про что потащили в тюрьму, а плутишка Пиноккио, вприпрыжку, как заяц, за которым гонятся охотники, перемахивая через плетни, лужи и канавы, побежал домой. Дверь оставалась не запертой. Он юркнул во внутрь и бросился, отдуваясь, прямо на пол.

— Ух, слава богу! Удрал!..

Но радость его длилась недолго. В комнате он был не один: — слышалось какое-то потрескивание:

— Кри-кри-кри-кри!..

— Кто здесь? — спросил Пиноккио.

— Я!

Пиноккио оглянулся и увидел огромного сверчка, медленно ползущего по стене.

— Кто ты такой? Как сюда попал?

— Я Говорящий Сверчок, и живу в этой комнате больше ста лет.

— Но сейчас я здесь хозяин, убирайся отсюда!

— Я уйду! — покорно ответил Сверчок, — но прежде мне нужно поговорить с тобой об очень важных вещах.

— Говори, только поскорее!

Сверчок поскреб ножками по стене и сказал с укоризной:

— Детей, убегающих из родного дома, ожидают в жизни большие несчастья. Погоди — придет время — раскаешься!

— Болтай, пустомеля! — захохотал Пиноккио. — Завтра чуть свет убегу отсюда, куда глаза глядят. А то еще, чего доброго, пошлют в школу учиться. Я не дурак. Гораздо веселее гоняться за бабочками, лазить по деревьям, разорять птичьи гнезда...

— Эх ты, дурачек! — сказал Сверчок и покачал головкой. — Жаль, жаль мне тебя.

— Молчи! — закричал Пиноккио. — Очень мне нужны твои наставления.

Но Сверчок не обиделся и продолжал спокойно:

— Если тебе не хочется учиться, — выбери какое-нибудь ремесло. Мало ли их есть на свете! Будешь зарабатывать хлеб.

— Мне нравится одно на свете — пить, есть, спать и ничего не делать!

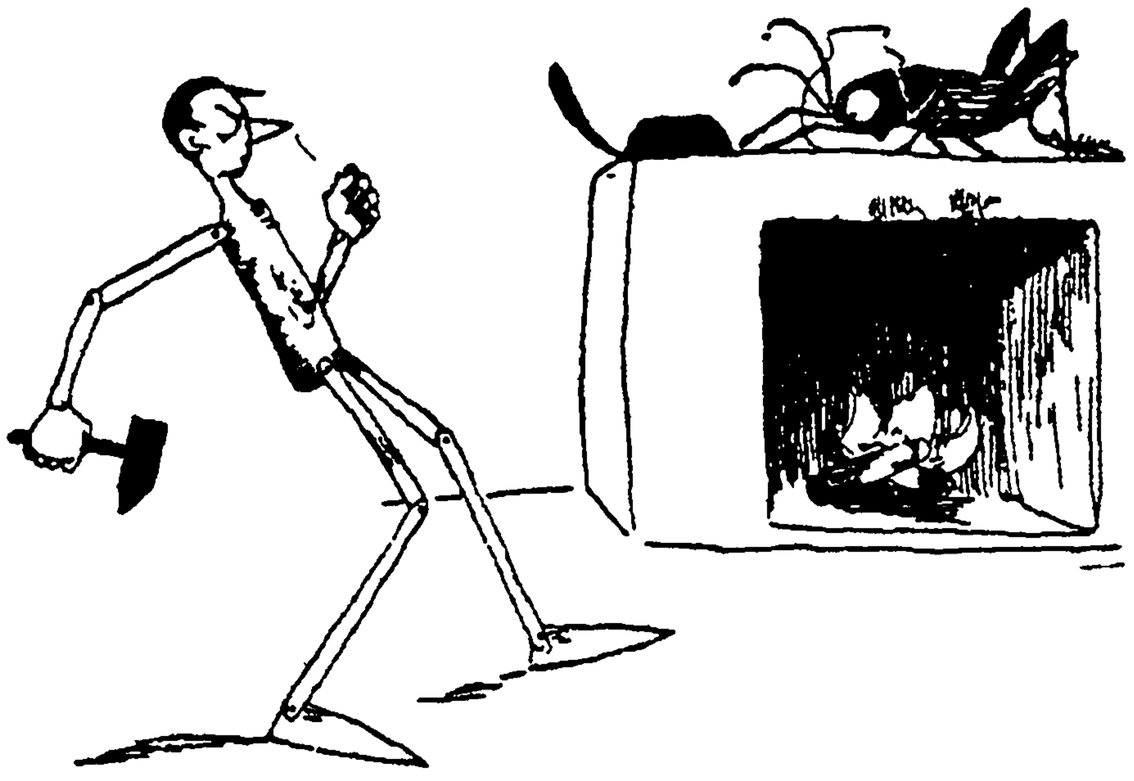
— Ах, прольешь ты горькие слезы когда-нибудь.

— Это почему это?..

— Потому что ты — дурачек...

— Это почему это я дурачек?

— Потому что у тебя деревянная голова.



Пиноккио схватил со станка молоток, — и пустил его в голову Сверчку. Бедный Сверчок только пискнул в последний раз — кри-кри — и упал кверху лапками.

Настала ночь. У Пиноккио целый день крошки не было во рту. Проголодался он ужасно и пошел к камину, над которым весело кипел котелок. Сунул было туда нос, — нет ли с'естного в котелке? Но и камин и котелок были поддельные, нарисованные. Нос от этого у Петрушки вытянулся еще пальца на четыре.

Пиноккио стал шарить по ящикам. Хоть бы корочку хлебца найти, хоть косточку, обглоданную кошкой, хоть ложечку вчерашней похлебки. Но ничего-то у Карло не было запасено на ужин, — положительно ни крошечки, ни кусочка.. Голод не тетка. Петрушка зевал, раздирал рот до ушей, зевал и плевал, а в животе урчало да урчало.

Наконец, он расплакался, стал причитывать:

— Прав был Говорящий Сверчок, зачем я убежал из дому? Если бы папу Карло не посадили в тюрьму, он бы дал мне поесть, яичко бы облупил, кашки бы дал с маслицом... Ой, есть хочется!..

В это время он увидел, что в корзинке со стружками что-то белеется...

Пиноккио кинулся:

— Батюшки! Яйцо! — Он схватил его, щупал, гладил, целовал.

— Эх жалко, масла нет, вот бы яишенку поджарить!

— Сварить его разве? Нет! Так проглочу: сырьем!

Пиноккио разбил скорлупку — и сейчас-же из яйца пискнул тоненький голосок:

— Спасибо, Пиноккио.

Это был хорошенький цыпленок. Он вылез из яйца, расправил крылышки и выскочил в окно, — только его и видели!

Пиноккио разинул рот и заревел, стал топать ногами.

— Прав, прав был Говорящий Сверчок! Ой, как есть хочется!..

Пиноккио засыпает, положив ноги на решетку очага, и просыпается без ног

Была холодная, ветренная, зимняя ночь. Деревья шумели, ставни хлопали. Пиноккио дрожал от страха.

— Нет, — решил он, — я тут не останусь. Побегу в деревню, там кто-нибудь приютит бедного Петрушку, дадут, может быть, кусочек хлебца.

Пиноккио пошел на деревню, но на деревне все спали. Лавки были закрыты, огни погашены. В отчаянии он дернул звонок у какой-то двери. Сейчас же в окошко высунулся старик в ночном колпаке и сердито спросил:

— Что за негодяй звонит в такой поздний час?

— Подайте милостыньку бедному Петрушке!

— Сейчас! Сейчас! — ответил старик, думая, что это один из тех шалунов, которые забавляются тем, что будят добрых людей по ночам.

Через минутку он опять показался в окне.

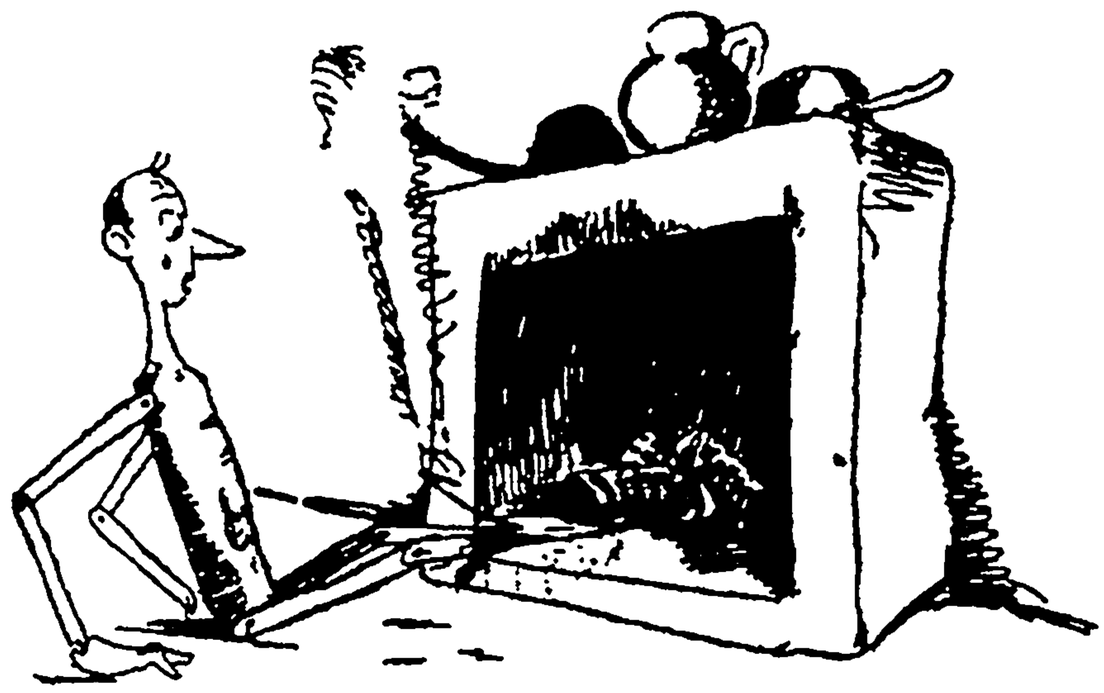
— Держи шапку!

Но у Пиноккио шапки не было. Он подошел под самое окно и поднял голову, — и старик с головы до ног окатил его из ведра студеной водой. Пиноккио вернулся домой, как мокрая курица, шатаясь от голода. Сел на табуретку, положил ноги на решетку очага и заснул, как убитый. Пиноккио храпел, а деревянные ноги

его тлели да тлели в очаге, пока не обуглились до колен. Разбудил его утром стук в дверь.

— Кто там? — спросил Пиноккио, протирая глаза.

— Отвори! Это я, — Карло!



Пиноккио с просонок вскочил и тут-же упал на пол, — ноги его сгорели.

— Отопри! — кричал Карло.

— Папа, милый, не могу, у меня кто-то от'ел ноги.

— Кто от'ел?

— Должно быть кот от'ел, — заревел Пиноккио, видя кота, игравшего со стружками.

— Врешь ты все... Отпирай! — сердился Карло.

— Не могу, папа. Ей богу, у меня ног нет!... Теперь всю жизнь буду ползать на коленях!.. Ой, ой, ой!..

Карло, думая, что Пиноккио опять затевает какую-то проделку, полез в окно, ворча:

— Погоди! Я тебе задам, озорник!

Но, увидав Пиноккио на полу без ног, Карло схватил его на руки и стал его осыпать поцелуями.

— Как же ты умудрился сжечь ножки, сынишка мой милый?

— Не знаю, папа! Гроза была, ветер, дождик, а Говорящий Сверчок сказал: так тебе и надо, потому что ты злой и непослушный. Я сказал ему тогда: берегись, Сверчок! А он сказал: у тебя деревянная голова! Тогда я запустил в него молотком. Но я не виноват. А старик в ночном колпаке крикнул из окошка: держи

шапку! — и облил меня водой, а я только хлебца хотел попросить... Вернулся я домой голодный, положил ноги на очаг. Они сгорели...

Пиноккио рыдал и кричал так громко, что наверно было слышно верст за пять от этого места.

Из всего рассказа Карло понял только то, что Петрушка умирает с голоду. Он вытащил из кармана три груши и сказал:

— Эти груши я припас себе на завтрак, все равно — кушай, мне не жалко.

— Если вы желаете, чтобы я с'ел груши, тогда очистите их, — сказал Пиноккио.

— Очистить груши? — удивился Карло. — Вот уж никогда не думал, что ты такой привередник! Это не хорошо! Дети должны кушать все, что им дают. Неизвестно еще, как тебе придется жить на свете! Всяко бывает!

— Груши с кожей я есть не стану, — сказал Пиноккио.

Карло ничего на это не ответил, вынул из кармана ножик, очистил груши, а кожуру положил тут-же на стол.

С'ев первую грушу, Пиноккио хотел было бросить сердцевину, но Карло удержал его за руку:

— Не бросай, ничего не нужно бросать, все в жизни пригодится. Всяко бывает!

— Ну, уж сердцевину-то я есть не стану.

— Кто знает? Всяко бывает! Может быть и с'ешь, — спокойно повторил Карло.

Три сердцевины он положил тут же на уголок стола около кожицы. С'ев в один миг все три груши, Пиноккио стал опять зевать с голода.

— Есть хочу!

— Но у меня больше ничего нет, голубчик.

— Как ничего больше нет?

— Вот только кожа да сердцевинки!

— Ну, ладно...

Пиноккио принялся за кожу и сердцевинки, и от них не осталось ни крошки...

— Вот видишь, — сказал Карло. Всяко бывает.

Карло делает Пиноккио новые ноги...

После завтрака Пиноккио снова ударился в слезы:

— Как же я теперь буду жить без ног?

Но Карло все еще немного сердился и заставил Петрушку проплакать до полудня.

— Сделаю тебе новые ноги, — ведь, опять убежишь?

— Нет и нет, — клялся Пиноккио. — Я теперь послушный, шелковый...

— Все говорят, что шелковые, когда им что-нибудь нужно.

— Я не такой, папа Карло. Я научусь ремеслу, буду вашей опорой в старости, я хороший.

Наконец, Карло сжалился, — не говоря ни слова, взял два куска дерева, и принялся выстругивать новые ноги. Через час они были готовы. Две хорошенькие, резвые ножки! Лучше даже прежних. Карло подмигнул и сказал:

— Ну, Пиноккио, ложись спать, утро вечера мудренее. Пиноккио лег и сейчас же притворился спящим. Но он отлично видел, как Карло стал прилаживать и приклеивать ему ноги, да так хорошо их приклеил, что никто бы и не догадался, что это не те ноги, какие у него были раньше. Пиноккио соскочил со стола и начал скакать по комнате, как сумасшедший.

— Ах, папа Карло, вы не можете себе представить, как я вам благодарен, я даже непременно пойду завтра в школу учиться.

— Очень хорошо сделаешь, братец.

— Но как же я пойду голый?

Карло сказал: Эгэ! У бедного Карло грошика не было в кармане, где уж там покупать одежу Петрушке. Он подумал, подумал и сделал ему курточку из цветной бумаги, сапожки из бересты, и шапочку из хлебного мякиша.

Пиноккио погляделся вместо зеркала в ведро с водой и остался очень доволен.

— Но как же я пойду без азбуки, папа Карло?

— Да, азбуку надо купить.

— Поди купи!

— Купи? Купишек нет! Ну, ничего, — сказал Карло, — подожди!

Накинул на плечи старую, заплатанную куртку и пошел на улицу. Он скоро вернулся, неся в руках азбуку, но без куртки на плечах, — ее не было — исчезла.

— Где же ваша куртка? — спросил Пиноккио.

— Продал.

— Зачем?

— А на что мне куртка?.. Обойдусь!

Пиноккио все понял и, бросившись папе Карло на шею, стал целовать его. Карло опять вытер глаза рукавом.

Пиноккио продает азбуку и покупает билет в кукольный театр

С азбукой под мышкой Пиноккио бежал в школу и думал о разных хороших вещах.

«Сегодня я научусь читать, а завтра — писать, а после-завтра считать... Потом начну зарабатывать деньги и сразу разбогатею. Сейчас же куплю папе Карло суконную куртку... Что суконную... Золотую куплю, с бриллиантовыми пуговицами. Хороший человек папа Карло! — в такой холод продал единственную свою куртку, купил мне букварь».

Пиноккио шел и сам с собою разговаривал, а издали слышались веселые звуки флейт и барабана.

— Пи-пи-пи-пи — трум, трум, трум! — пи-пи-пи-пи...

Он остановился. Играли, очевидно, в маленькой деревушке, в той, что стоит на берегу моря.

«Какая прекрасная музыка. Жалко, что мне нужно итти в школу — подумал Пиноккио. — Разве сбегать, разузнать, что это там за пи-пи-пи — трум, трум-трум! — пи-пи-пи?... Ладно, — школа и завтра не убежит, пойду послушаю, что это за пи-пи-трум»...

И он пустился бежать рысью по переулку, к берегу.

В деревушке у моря, на площади, вокруг размалеванного балагана уже собралась огромная толпа.

— Что это за балаган? — спросил Пиноккио у мальчишки.

— Прочти афишу — узнаешь.
— Я, ведь, потому тебя и спрашиваю, что не умею читать.
— Вот осел, читать не умеет. Ну, слушай, я тебе прочту:

Большой Кукольный Театр.

— А скоро начнется представление?
— Сейчас начнется.
— А сколько стоит вход?
— Четыре сольдо.
Пиноккио дрожал от любопытства, но денег у него не было.
— Одолжи мне, пожалуйста, четыре сольдо до завтра, — попросил он мальчишку.
— Дал бы я тебе четыре сольдо, — ответил мальчишка насмешливо, — дал бы я тебе четыре сольдо, жалко, деньги дома оставил.
— Вот что! Купи у меня за четыре сольдо курточку.
Мальчишка обидно засмеялся.
— Из цветной-то бумаги!.. хороша курточка, да она размокнет от первого дождя.
— Ну, тогда сапоги купи!
— Печку что ли мне твоими сапогами растапливать?

— Ну, возьми шапку!
— Вот так шапка. Да ведь она... Да ведь она из мякиша. Это, чтоб мне мыши голову от'ели?..
Пиноккио был в отчаянии. У него еще не хватало духу сделать последнее предложение. Наконец, он решился и на это:
— Возьми у меня за четыре сольдо азбуку.
— На, получай деньги!

Куклы узнают братушку, деревянного Петрушку

Пиноккио взял билет и вошел в кукольный театр. Представление уже началось. На сцене по правилам кукольной комедии ссорились Паяц и Арлекин и уже готовились начать потасовку. Балаган весь гудел от восторга, точно перед зрителями были не куклы, а живые люди.

Но вдруг неожиданно Арлекин, совсем не из своей роли, кинулся к рампе и закричал на весь театр:

— Пиноккио!!

— Пиноккио! Это Пиноккио! — закричал Паяц.

— Это он! Это он! — закричали хором все куклы, перескакивая через рампу. — Пиноккио!.. Братец Пиноккио!

Пиноккио одним прыжком махнул через стулья, через кресла прямо на лысину капельмейстеру и с лысины прыгнул на сцену. Невозможно вообразить себе всех об'ятий, поцелуев, дружеских щипков, которыми встретили его деревянные куклы.

Это было очень трогательное зрелище, но публика уже кричала в нетерпеньи:

— Довольно! Продолжайте!.. Продолжайте комедию!

Но куклы ничего не хотели знать и, подняв Пиноккио на плечи, торжественно понесли его по сцене.

Услышав весь этот гвалт, из-за сцены вышел человек такой ужасной наружности, что можно было содрогнуться при одном взгляде на это чудовище!

Его длинная, черная, как чернила, борода тащилась по полу, огромный рот лязгал зубами, точно это был не человек, а крокодил, глаза горели, как два красные фонаря, а в руках он держал бич, свитый из змеиных и лисьих хвостов.

Лишь только он появился, куклы замерли на местах, окаменели от ужаса.

— Как ты смел помешать представлению!? — грозно закричал страшный человек на Пиноккио.

— Я не виноват, — извините.

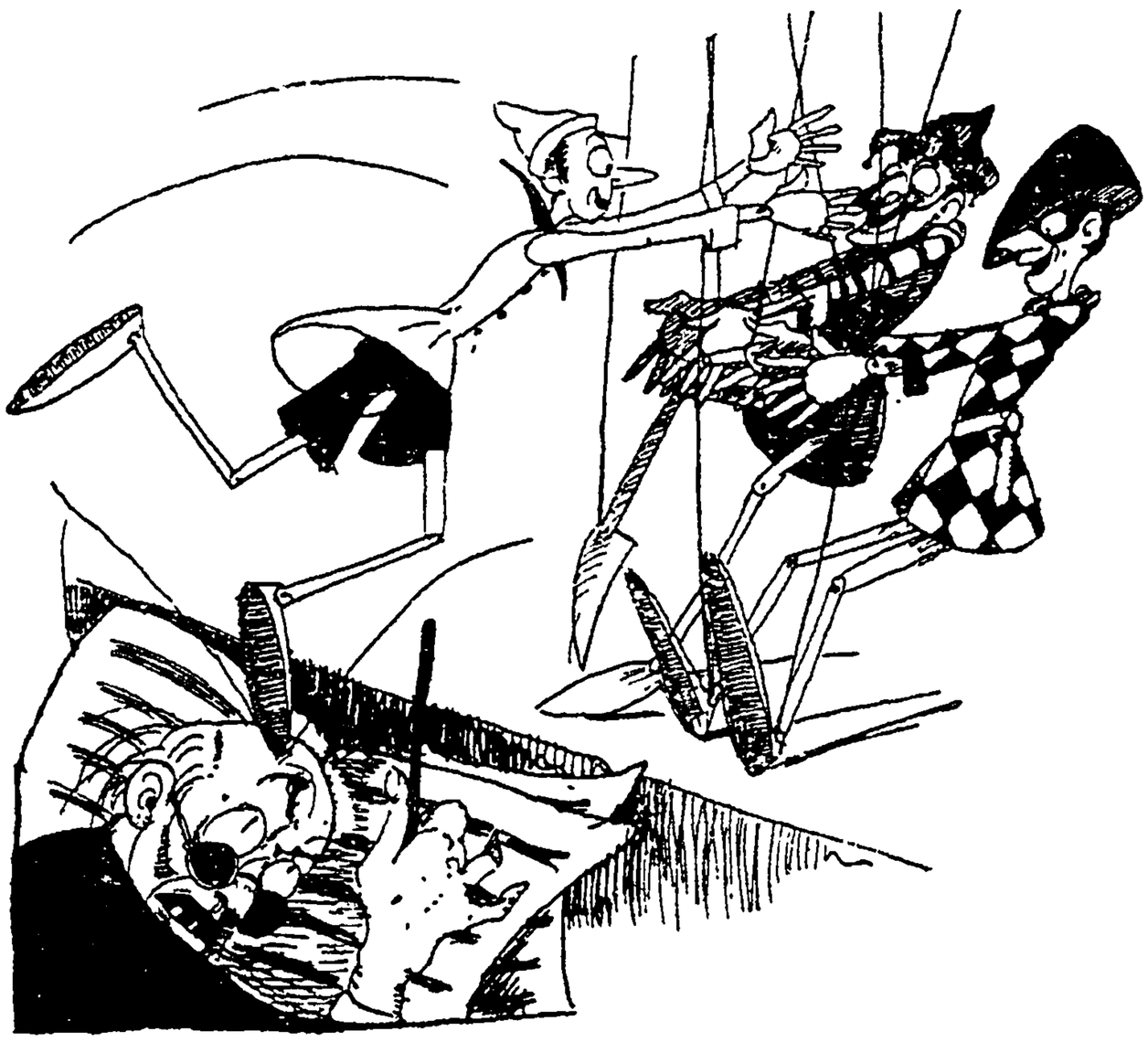
— Ладно, после разберемся!

Когда пьеса кончилась и занавес опустился, страшный человек пошел в кухню, где на вертеле уже жарился целый баран ему на ужин, и, увидав, что не хватает дров, кликнул Арлекина и Паяца:

— Принесите-ка мне этого молодчика Пиноккио. Он висит на сцене на гвоздике. Он сделан из сухого дерева и, если подкинуть его в печку, мой баран отлично дожарится.

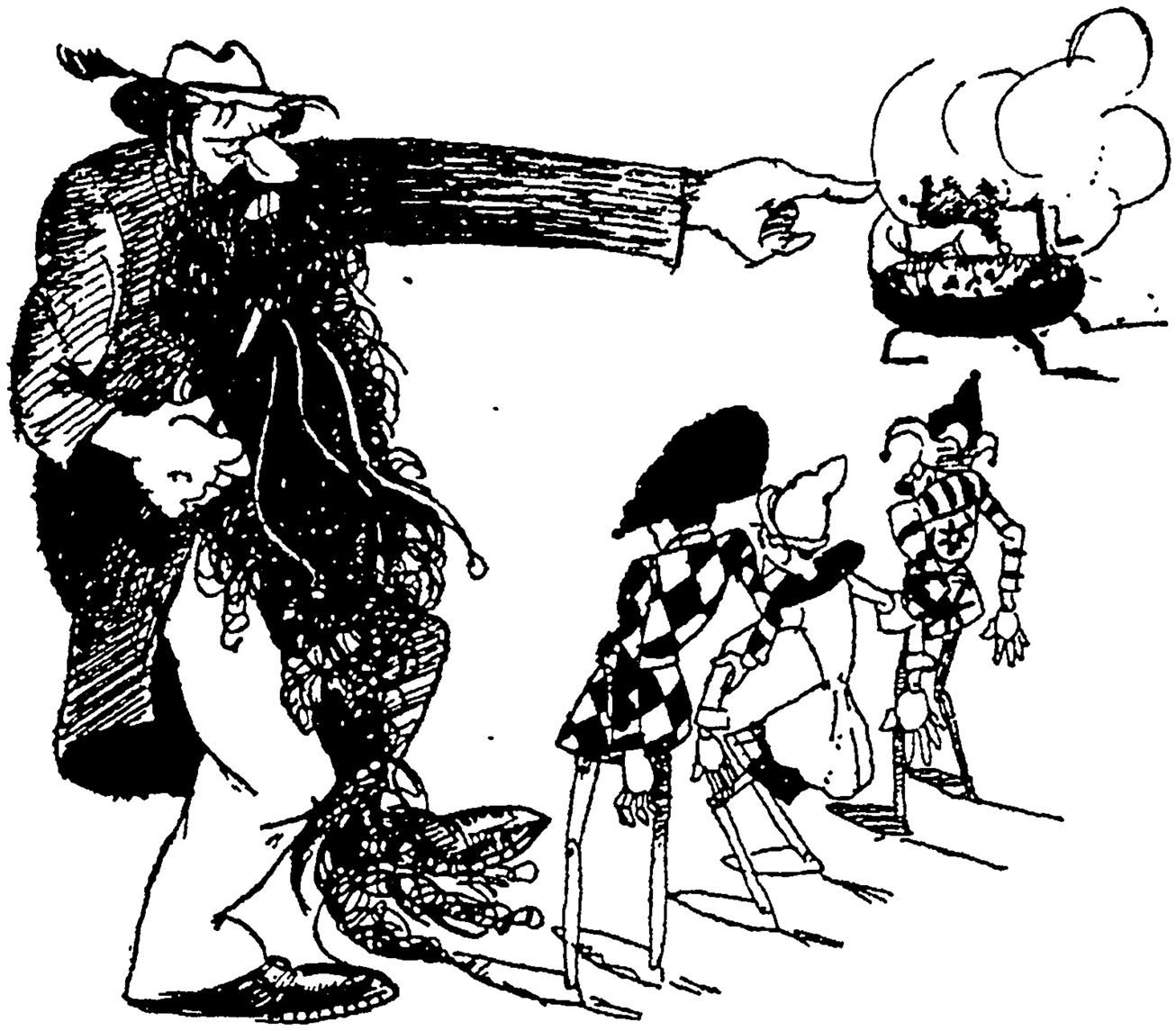
Арлекин и Паяц ни за что не хотели итти, но хозяин так грозно посмотрел на бедных кукол, что они бросились со всех ног и чуть не плача принесли в кухню отчаянно рыдающего Петрушку:

— Я не хочу умирать! Папа Карло, спаси меня!



Человек со страшной бородой чихает и прощает Пиноккио.

Директор кукольного театра — страшилище с черной бородой, покрывавшей, как фартуком, его грудь и живот до самой земли, был человек, в сущности говоря, совсем не злой. Когда куклы притащили Пиноккио, не хотевшего умирать, человек со страшной бородой пожалел его от души, но долго не показывал вида, что жалеет... не показывал, не показывал, да, вдруг, как чихнет; апчхи!



Арлекин, услыхав это, обрадовался и сейчас же шепнул на ухо Пиноккио:

— Он чихнул! Это хороший знак. Значит, он тебя пожалел!

Иные люди, когда жалеют — плачут или делают вид, что плачут.

Директор кукольного театра всегда в этих случаях — чихал, и куклы отлично знали, что это значит.

Чихнув еще раз, человек с бородой, все еще притворяясь злым, грубо закричал на Пиноккио:

— Не реви! У меня от твоего рева в животе урчит! Апчхи!

— Будьте здоровы! — сказал Пиноккио.

— Спасибо! А что — родители твои живы? Апчхи!

— Папа жив, а мамы у меня никогда не было...

— Воображаю, каково было бы узнать твоему папе, что я тебя сжег в печке!.. Жаль мне твоего папу. Апчхи! Апчхи!

— Будьте здоровы!

— Спасибо! Но нужно пожалеть и меня! Что я буду есть сегодня, если баран не дожарится, а я бы тобой отлично подтопил печку! Ну, ничего, подброшу другую куклу из труппы! — Полицейские! — скомандовал бородач.

На зов сейчас же пришли два полицейские, длинные, длинные, тонкие, тонкие, — в касках и с обнаженными саблями.

— Возьмите Арлекина, свяжите его покрепче и бросьте в печку!

У Арлекина от ужаса подкосились ноги и он упал на пол, как мертвый.

Пиноккио, при виде этого ужасного зрелища, бросился к ногам директора кукольного театра и, обливая слезами его бороду, стал умолять:

— Пощадите его! Пожалейте!

— Тут ни о какой жалости не может быть разговора. Я пощадил тебя, значит, должен бросить в печку Арлекина, иначе баран не дожарится...

— Тогда Пиноккио вскочил, выпрямился и бросил на пол шапочку из хлебного мякиша, — я знаю, что мне делать... Солдаты, вяжите меня, бросайте в огонь! Я не хочу, чтоб из-за меня погиб мой верный друг Арлекин.

Эти слова вызвали слезы у всей труппы. Плакали даже деревянные солдаты...

Директор кукольного театра сначала был неумолим. Но мало-по-малу слезы кукол растрогали его. Чихнув раз пятьдесят подряд, он неожиданно сказал Пиноккио:

— Ты хороший товарищ! Поди, я тебя поцелую!

Пиноккио сейчас же вскарабкался по бороде и поцеловал страшилище в кончик носа.

— Ну, видно придется поужинать недожаренным бараном! Ничего не поделаешь! Но берегитесь в другой раз, дьяволята, — погрозил бородач куклам.

Все куклы бросились от радости на сцену, зажгли огни и, как безумные, прыгали и плясали до самого рассвета.

Бородач дарит Пиноккио пять золотых и отпускает его домой

На другой день бородач позвал Пиноккио и спросил:

— Как зовут твоего отца? Чем он занимается?

— Бедствует!

— Как так бедствует?

— У него никогда в кармане гроша нет, куртку последнюю с плеч снял, чтобы мне азбуку купить.

— Ах, бедняга!.. Ну, вот что, — беги сейчас домой, кланяйся отцу, передай ему, — на! — подарок.

И человек со страшной бородой протянул Пиноккио пять золотых. Пиноккио поблагодарил, расцеловался со всеми куклами, зажал деньги в кулак и побежал домой.

Но не пробежал он и полверсты, как на встречу ему попались хромая лиса и слепой кот. Лиса ковыляла на трех лапах, а кот был слеп на оба глаза. Калеки водили друг друга по дорогам, выпрашивали на пропитанье.

— Здравствуй, Пиноккио! — приветливо поклонившись, сказала лиса.

— Ты откуда знаешь, что я — Пиноккио?

— Ах, мы очень хорошо знакомы с твоим отцом, — прямо сердечные друзья... Вчера, смотрю — стоит он около своего дома, в одной рубашке, трясется от холода...

— Бедный, бедный папа Карло, — вздохнул Пиноккио, — ну, теперь, слава богу, он больше не будет трястись от холода.

— Почему? — спросила лиса и с любопытством заглянула в глаза Пиноккио.

— А потому, что я страшно разбогател.

— Ты!.. Разбогател? Лиса засмеялась, а за ней и кот фыркнул со смеха в усы.

— Нечего зубы скалить! А это видела? — и Пиноккио ткнул под нос лисе горсть золотых.

Увидев деньги, лиса невольно протянулась к ним больной лапой, а кот, вдруг, широко раскрыл слепые глаза и они сверкнули, как зеленые фонари.

Но Пиноккио ничего этого не заметил.

— Что же ты с этими деньгами делать будешь? — спросила лиса.

— Куплю папе Карло золотую куртку с бриллиантовыми пуговицами, а себе куплю азбуку.

— Азбуку, да на что она тебе?

— Буду ходить в школу, учиться...

— Ах, ах, — сказала лиса, — не доведет тебя до добра это ученье, вот я — училась, училась, и — гляди на трех лапах бегаю.

— Это верно, — сказал кот, — через это проклятое ученье я глаз лишился.

На заборе, в это время, сидела ворона, слушала, слушала, что говорят кот и лиса, и каркнула:

— Не слушай их, Пиноккио, обманывают...

Но не успела докаркать, — кот подскочил, как резиновый мячик, сшиб лапой ворону с забора, и в одну минуту свернул ей голову. Затем умылся, и опять представился, будто он — слепой. Пиноккио эти шутки не понравились.

— За что ты ее, кот? Что она тебе сделала?

— А за то, что не суйся не в свои дела! — сказал кот.

Прошли они втроем еще с полверсты. Лиса сказала Пиноккио:

— Хочешь, чтобы у тебя денег вдвое больше стало? Что вдвое, впятеро, в тысячу раз больше?

— Еще бы не хотеть. А как это делается?

— Очень просто! Пойдем с нами.

— Куда?

— В «Страну Дураков».

Пиноккио немного подумал:

— Нет, не могу. Я сейчас около дома; папа Карло ждет меня со вчерашнего дня... Домой пойду.

— Ну, иди, иди, пожалуйста, — сказала лиса, — тем хуже для тебя.

— Тем хуже для тебя! — повторил кот.

— Сам себе ты враг.

— Ты сам себе враг, — повторил кот.

— Твои пять золотых превратились бы в две тысячи...

— Как это так? — Пиноккио остановился, разинул рот.

— Я тебе сейчас об'ясню: — в «Стране Дураков» есть волшебное поле. Оно называется «Полем Чудес». На этом поле выкопай ямку и положи в нее, например, один золотой, сверху затруси землицей, потом брось щепотку соли, полей хорошенько и поди спать. Ночью твой золотой даст росток, а к утру вырастет в прекрасное дерево, и на ветках у него, как гроздья, будут висеть золотые монеты.

— А если зарою я все пять золотых, — сколько же их вырастет на утро?

— Считай по пальцам: из каждого золотого вырастет пятьсот, помножь пятьсот на пять. Значит, утром у тебя будут две тысячи пятьсот золотых.

Пиноккио подпрыгнул:

— Вот так здорово! Идемте скорее в «Страну Дураков»... Как только вырастут деньги — две тысячи возьму себе, а пятьсот подарю вам.

— Нам подаришь? обиделась лиса. — Боже сохрани, нам ничего не надо, мы только для тебя стараемся.

Харчевня „Вареного Рака“

Шли, шли, шли и, наконец, дошли до харчевни «Вареного Рака». Устали вдребезги, еле ноги волочили. Лиса предложила:

— Закусить бы нам не мешало, отдохнуть немного, а, чуть свет, пойдем на «Поле Чудес».

Пиноккио, Лиса и Кот уселись за стол в харчевне и заказали обед. Кот с'ел пять жареных карасей и курицу, а лиса слопала жареного зайца и двух куропаток. Меньше всех ел Пиноккио, — он спросил горсточку орешков да кусочек хлебца, но и того не доел.

Какая уж там еда: все думал, как завтра разбогатеет, как обрадуется папа Карло.

После ужина лиса сказала хозяину:

— Приготовьте две комнаты: одну для господина Пиноккио, другую для меня с товарищем. Нам нужно отдохнуть перед дорогой. Но как стукнет полночь, буди нас всех! Понял?

Пиноккио заснул, как убитый, снилось ему «Поле Чудес». На деревьях гроздьями, как виноград, висели золотые монеты. Он уже протягивал к ним руки, вот, вот — схватит... В эту минуту в дверь постучали.

— Вставайте, господин Пиноккио, полночь пробила!

— Товарищи встали?

— Товарищи ваши давно уж ушли.

— Как так ушли?

— Кот, видите-ли, получил неприятное известие из дому: его младший сынишка обморозил лапки, лежит при смерти.

— Они вам заплатили за ужин?

— Нет, ничего не платили...

Пиноккио почесал в затылке и спросил:

— А что, они ничего не просили мне передать?

— Просили передать, что ждут вас на рассвете на «Поле Чудес».

Пиноккио расплатился с хозяином, — дал ему целый золотой, оделся и вышел.

Было так темно, что пришлось пробираться ощупью. Вся деревня спала. Только ночные птицы задевали крыльями за длинный нос Пиноккио и с удивлением спрашивали: — Кто это? Кто это? Было черно, как в чернильнице, только на стволе какого-то дерева трепетала бледная, светящаяся тень. Пиноккио остановился, посмотрел на тень, спросил с опаской:

— Кто здесь?

— Это я, — призрак Говорящего Сверчка, которого ты убил молотком, ответила слабым голосом тень. Я ждал тебя! Я хочу в последний раз дать тебе добрый совет: пойди сейчас же к папе Карло и отдай ему четыре золотые монеты. Он в отчаянии, он думает, что тебя в живых уж нет. Послушайся меня, Пиноккио.

— Ах, как все это мне надоело! Да пойми ты: завтра мы с папой Карло станем богачами! — сказал Пиноккио.

— Не верь Коту и Лисе. Они тебя обманывают. Иди домой, Пиноккио.

— Пойду я не домой, а пойду я к Коту и Лисе на «Поле Чудес». — сказал Пиноккио. — А ты пропади — кыш!

— Хорошо, я пропаду, Пиноккио. Но ты меня еще вспомнишь не один раз. Ох, бойся разбойников на этой дороге! Бойся...

И бледно-голубоватая тень растаяла в темноте. Стало темнее прежнего.

Пиноккио встречает по дороге разбойников

Не успел Пиноккио пройти и десяти шагов, вдруг сбоку в темных кустах зашуршали прошлогодние листья. Пиноккио присел от страху.

К нему вприпрыжку бесшумно бежали две черные фигуры, в мешках, с прорезанными дырками для рук, ног и глаз.

— Разбойники! Накликал проклятый Сверчок!

Пиноккио живо сунул золотые монеты в рот, под язык и пустился бежать. Но разбойники тотчас схватили его за руки и в один голос закричали:

— Кошелек или жизнь!

Пиноккио, конечно, не мог ничего ответить, — мешали монеты под языком.

— Я бедный Петрушка, — показывал он жестами. — У меня нет ни гроша.

Но разбойники знать ничего не хотели.

— Не притворяйся, — давай деньги!

Пиноккио в отчаянии разводил руками. Приседал, крутил носом.

— Деньги! — крикнул разбойник, тот, что был повыше ростом. — Деньги давай, а то голову отрежу!..

— Ой, ой, ой! — крикнул Пиноккио и золотые зазвенели у него под языком.

— Ага! Негодяй! Вот у него где деньги, ага! — завыли разбойники. — Выплюнь, выплюнь, тебе говорят...

Но Пиноккио сжал рот, молчал, таращился.

— Ну, погоди, ты у нас выплюнешь деньги! — И один разбойник схватил Пиноккио за нос, а другой за ноги и они стали тащить его в разные стороны. — Выплюнь деньги!

Пиноккио стиснул зубы, старания разбойников были напрасны. Тогда один из них, поменьше ростом, вытащил из-за пазухи нож и начал разжимать им зубы Пиноккио. И совсем было разжал, но Пиноккио изо всей силы укусил разбойника за руку. И вообразите себе его удивление, когда он увидал, что это была кошачья лапа.

Разбойник завопил от страшной боли. Пиноккио вырвался, вскарабкался, как белка, на забор, перелез на другую сторону, спрыгнул на землю и пустился бежать по пустынному полю.

Разбойники кинулись за ним в погоню.

Пробежав с версту, Пиноккио упал на землю, задыхаясь от усталости. Но разбойники уже были близко. Тогда он огляделся, полез на дерево, влез на самую верхушку.

Разбойники сейчас же полезли за ним, но доползли только до середины, и свалились на землю, как два мешка, — видимо они не умели лазить по деревьям.

Свалились, почесались и начали совещаться. Один побежал за хворостом, другой раздул огонь, и скоро под деревом запылал большой костер. Дым стал есть глаза Пиноккио. Тогда он одним прыжком перепрыгнул на вершину другой сосны, соскользнул на землю и опять побежал по полю. Разбойники завыли и пустились в погоню.

Разбойники преследуют Пиноккио

Рассветало. Пиноккио все бежал и бежал... И, вдруг, ужас! — перед ним — грязная канава, полная воды. Он приостановился: раз, два, три! — и перемахнул через канаву. Разбойники — за ним, но поскользнулись и оба шлепнулись в воду, как лягушки, только брызги полетели.

Петрушка услышал: шлеп, шлеп! — и подумал: «утонули, голубчики!»

Но не успел передохнуть, — оглянулся: опять разбойники бежали за ним, как ни в чем ни бывало, только грязная вода текла с них ручьями.

Пиноккио выбивался из последних сил, еле бежал, высунув язык. Страшные разбойники в мешках — вот, вот готовы были его схватить. Вдруг он увидал за рощицей беленький домик, и свернул к нему. Разбойники несколько отстали. Вот и домик... Пиноккио кинулся к двери и постучал... Еще постучал, еще и еще... Ответа не было. Он колотил в дверь кулаками и ногами, — никого! Разбойники опять показались за деревьями.

— Помогите! — закричал Пиноккио, сел на ступеньки и заплакал.

В это время в окне домика появилась хорошенькая девочка с голубыми волосами, с закрытыми глазами, с ручками, скрещенными на груди, с восковым личиком. Раскрыв посиневшие губки, она сказала:

— Не стучи! — В этом доме никого нет. Все умерли.

— Отопри. За мной гонятся разбойники! — крикнул ей Пиноккио.

— Я не могу тебе отпереть, потому что я тоже умерла. Меня скоро повезут на кладбище.

Пиноккио разинул было рот от изумления, но в это время две черные руки схватили его за горло:

— Ага! теперь не уйдешь, голубчик!

Пиноккио задрожал, и под языком у него зазвенели золотые монеты.

— Дзинь! дзинь! дзинь!..

— Теперь ты откроешь рот! — зарычали разбойники.

И один из них ударил Пиноккио ножом по спине. Но Пиноккио — вы это не забыли — был деревянный, и нож отскочил от его спины, не причинив никакого вреда.

Тогда разбойники решили его повесить. Завязали на веревке петлю, надели петлю Пиноккио на шею, веревку перекинули через ветку большого дуба, и со страшным хохотом повесили бедного Пиноккио. Затем сели на землю и стали ждать, когда Пиноккио откроет рот. Прошло очень много времени. Пиноккио все висел да висел, покачивался, но рта так и не открывал.

Разбойники потеряли терпение.

— Прощай, дружок, повиси до завтра! — сказали они зловещими голосами. И ушли.

Настал вечер. Холодный ветер трепал дубовые ветки. Бедный Пиноккио раскачивался, а петля на шее затягивалась все туже и туже.

Да, ничего не поделаешь, надо было, видимо, умирать. А так хотелось жить бедному Пиноккио! — Папа Карло, если бы ты был здесь!

Девочка с голубыми волосами вынимает Пиноккио из петли

В это время девочка с голубыми волосами опять высунулась из окна, пожалась от холода, посмотрела на висящего на ветке дуба Пиноккио и три раза хлопнула в ладоши.

Сейчас же на дереве тяжело захлопал крыльями коршун и слетел с ветки:

— Что вам угодно, Волшебница? — спросил он, почтительно опуская клюв.

Нужно вам сказать, что девочка с голубыми волосами была очень могущественная волшебница, которая несколько тысяч лет жила в этом лесу.

— Видишь несчастного Петрушку, который висит на сучке? — сказала она коршуну. — У тебя крепкий клюв, и ты без труда распутаешь узел. Вынь его из петли и положи осторожно на траву под дубом!

Коршун улетел, повозился и минуты через две вернулся.

— Я исполнил ваше приказание, — сказал он, почтительно скло-няя клюв.

— Он еще жив?

— Дышит. Ничего — отдышится, ничего — мальчишка здоровый.

Волшебница отпустила коршуна и опять хлопнула два раза в ладоши. На зов появился великолепный пудель на задних лапах. Был он одет кучером, в курточке шоколадного цвета с брил-лиантовыми пуговицами и двумя огромными карманами для ко-

стей, которые ему бросали за обедом, в красных бархатных штанах, в шелковых чулочках и в туфельках с пряжками. На голове у него был кудрявый парик и треуголка со страусовыми перьями. Сзади в разрезе штанов болтался голубой шелковый мешочек. В него он прятал хвост, когда шел дождь.

— Вот что, Медор, — сказала Волшебница, — запряги сейчас же колясочку и поезжай, видишь, к тому дубу, там лежит бедный умирающий Петрушка. Подними его осторожно, положи в колясочку на подушку и привези сюда! Понял?

Пудель, не теряя времени, вильнул хвостом и побежал в каретный сарай.

Скоро небольшая колясочка, запряженная сотней белых мышей, с пуделем на козлах выезжала из ворот. Через четверть часа она вернулась обратно. Волшебница взяла на руки и понесла в дом бесчувственного Пиноккио. В спальне она сейчас же уложила его в кровать и послала за докторами. Один за другим явились три врача: Ворон, Сова и Кузнечик, — самый умный и опытный из всех врачей в этой стране.

Ворон первым подошел к больному, пощупал его пульс, потом кончик носа, потом ноги и мрачно проговорил:

— Я полагаю, что пациент уже умер, но если, к несчастью, еще не умер, то наверное жив.

— Мне было бы неприятно противоречить моему товарищу, — сказала Сова, — но по моему, Пиноккио жив, если, к несчастью, уже не умер.

Кузнечик осмотрел Пиноккио и сказал:

— Гм... Лицо этого мальчишки мне знакомо...

Пиноккио, лежавший до этого времени неподвижно, вдруг задрожал всем телом.

— Этот мальчишка... — продолжал Кузнечик, — большой плут...

Пиноккио приоткрыл глаза и сейчас же снова зажмурился.

—... Он — плгунишка...

Пиноккио зарылся лицом в подушки.

—... Невероятный шалун... он заставляет страдать папу Карло.

Пиноккио зарыдал. Кузнечик хихикнул.

— Когда покойник плачет, значит он жив! — мрачно сказал Ворон.

Пиноккио просит сахару, но не желает принимать лекарство

Наконец, врачи вышли из комнаты. Волшебница пощупала Пиноккио лоб, затем взяла стакан, размешала в нем белый порошок и поднесла ко рту Пиноккио:

— Выпей, мой дорогой, через несколько дней ты будешь здоров.

Пиноккио зарыдал. Кузнечик хихикнул.

— Оно сладкое или горькое?

— Горькое, но тебе будет лучше.

— Горькое я пить не буду.

— Пей! Потом я тебе дам кусочек сахару.

— А где кусочек сахару?

— Вот он, пей скорей!

— Сначала дайте мне сахару, а потом я выпью гадкое лекарство.

— Ты обещаешь?

— Да!

Пиноккио сгрыз сахар в одну минуту, но лекарства пить все-таки не захотел.

— Оно противное, меня тошнит, дайте мне еще кусочек сахару, тогда я, может быть, выпью...

Волшебница дала ему кусочек сахару.

— Ну, теперь пей.

— Не могу!

— Почему?

— Мне мешает подушка на ногах.

Волшебница убрала подушку.

— Закройте дверь!

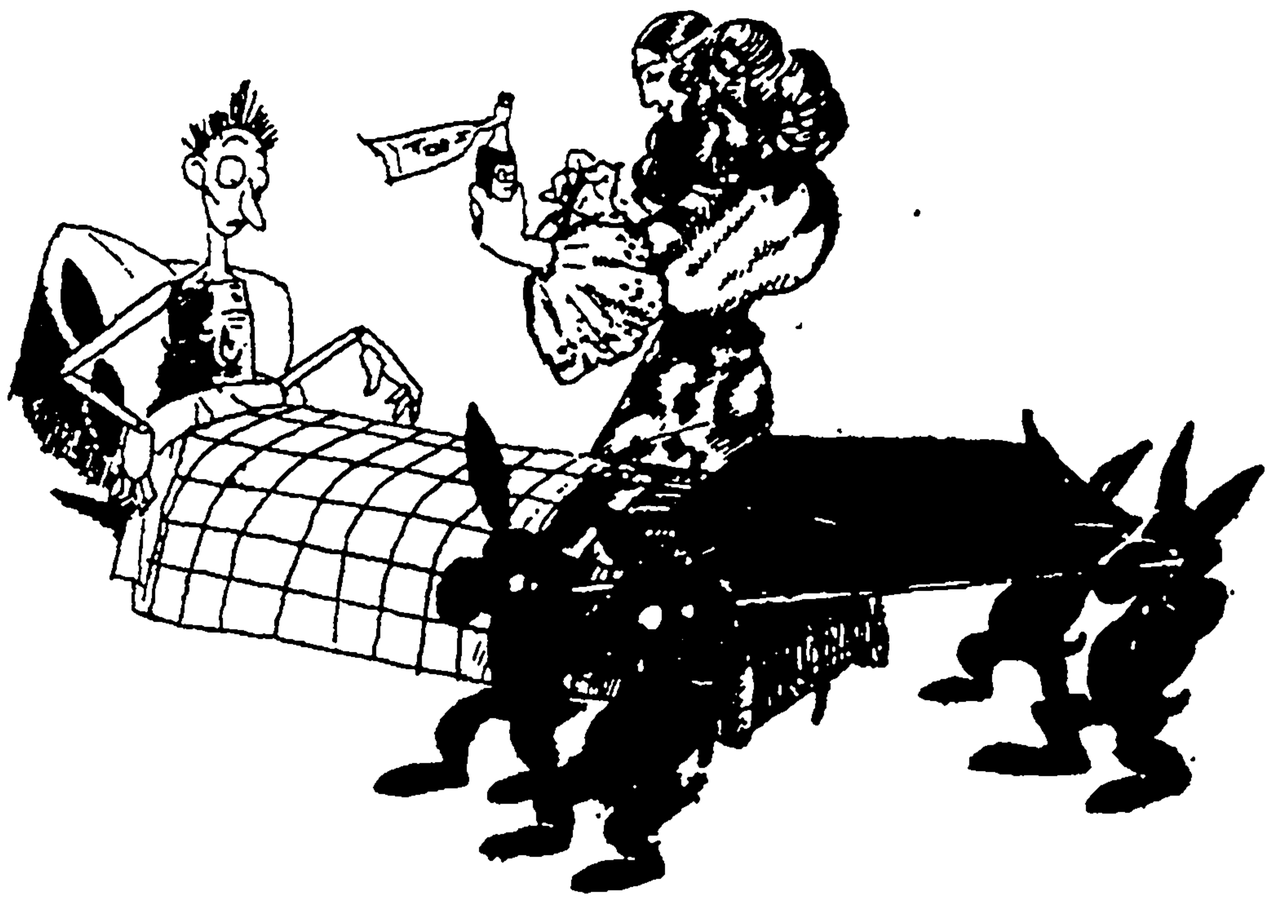
Волшебница закрыла дверь.

— Одним словом, — закричал Пиноккио, — я не хочу пить эту гадость!

— Но ты раскаешься!... Ты серьезно болен и можешь умереть.

— Ну, так что за беда — и умру.

В эту минуту дверь в комнату страшно медленно отворилась, и один за другим вошли четыре черные кролика. На плечах они несли маленький гробик.



— Что вам от меня нужно!? — закричал Пиноккио, в ужасе приподнимаясь на постели.

— Мы пришли за тобой! ты же хотел умереть, — ответил один из кроликов.

— О, Волшебница! Милая Волшебница! — закричал Пиноккио, дайте мне скорее гадкое лекарство! — И он выпил лекарство одним духом.

Кролики захихикали и понесли гробик обратно.

Через несколько минут Пиноккио выздоровел совершенно и прыгал по комнате, как коза. Волшебница очень обрадовалась и позвала его к себе:

— Теперь расскажи мне, как на тебя напали разбойники.

Когда Пиноккио кончил рассказывать, как за ним гнались разбойники, Волшебница спросила:

— А куда же девались золотые монеты?

— Я их потерял — (а золотые преспокойно лежали у Пиноккио в кармане курточки).

Но едва только Пиноккио соврал — нос его, и без того длинный, вытянулся пальца на два.

— Где же ты их потерял?

— В лесу!..

Нос вырос еще длиннее.

— Если ты их потерял здесь в лесу, — сказала Волшебница, — мы их непременно найдем. В моем лесу ничего не пропадает.

— Ах, нет, постойте! Я теперь только вспомнил. Они у меня были во рту, и я их проглотил вместе с лекарством.

После того, как он соврал в третий раз, нос его так вытянулся, что уперся в стену, и Пиноккио почти не мог двигаться, натыкаясь носом то на кровать, то на стол, то на дверь.

Волшебница хохотала, как сумасшедшая.

— Ничего смешного нет, — проворчал Пиноккио, и стал красный, как рак, от стыда.

Видя, что Пиноккио раскаивается, Волшебница хлопнула в ладоши. В окно влетело множество маленьких птичек. Они в одну минуту расклевали нарост на носу Пиноккио, и нос стал лучше прежнего.

Пиноккио идет встречать отца

Пиноккио очень понравилось в дому у Волшебницы. Он спросил нельзя ли ему остаться пожить здесь подольше.

— Оставайся, мой дорогой, — сказала Волшебница, — я уже послала к папе Карло сказать, что ты — здесь. Он, думать надо, сам придет к вечеру.

Пиноккио подскочил от радости...

— Я пойду его встречать.

— Хорошо, только смотри, не заблудись в лесу.

Пиноккио побежал. Около дуба, где его давеча повесили на сучке, он приостановился: — где то совсем близко послышались знакомые голоса.

— Пиноккио! Какими судьбами? — воскликнула Лиса, выбегая из-за кустов и обнимая старого дуга.

— Пиноккио, дружище, — повторил за ней Кот, протягивая ему лапу, — какими судьбами?

Пиноккио рассказал им о нападении разбойников.

Лиса и Кот сочувственно покачивали головами.

Во время разговора Пиноккио заметил, что у Кота здорово укушена передняя лапа, будто бы человеческими зубами.

— Это тебя кто? — спросил он Кота.

Кот замялся, а Лиса поспешно сказала:

— Так, в лесу, знаете ли, встретили мы одного волка... Голодный, конечно... нам и самим есть нечего... ну, дали ему последнее, что

было. А он, даже рассказывать неприятно, — хотел нас обоих с'есть... вот Коту лапу отгрыз... Ну, бог его простит...

Рассказав это, Лиса и Кот прослезились.

Затем спросили Пиноккио, что он тут, в лесу, делает.

— Жду папу Карло. Он должен притти сюда с минуты на минуту.

— А где твои золотые?

— В кармане все четыре, пятый я заплатил за ужин в харчевне.

— Ах, ах, подумать только... — сказала Лиса, — ведь, у тебя завтра было бы их две с половиной тысячи. Почему ты не хочешь их посеять на «Поле Чудес»?

— Сейчас нельзя. Я пойду туда в другой раз, мне некогда.

— Но тогда будет поздно, дружок!

— Почему?

— Потому что это «Поле Чудес» купил один крестьянин, и с завтрашнего дня он никому там не позволит сеять.

— А далеко оно отсюда?

— Версты две, не больше. Пойдем с нами! Ты посеешь золотые, подождешь полчасика и соберешь их целые пригоршни, вернешься к отцу с набитыми карманами.

Пиноккио опять пришли на память советы Говорящего Сверчка, но он был чрезвычайно легкомысленный мальчишка, и думал недолго, кивнул головой.

— Идем!

Лиса, Кот и Пиноккио отправились на «Поле Чудес».

Шли, шли, шли, наконец, увидали какие-то домишки.

— Как называется этот город? — спросил Пиноккио.

— «Лови Дураков», — ответила Лиса.

По узеньким улицам, зевая от голода, бродили паршивые собаки на иссохших, как палки, лапах, овцы без шерсти дрожали от холода, общипанные куры выпрашивали — Христа ради — хоть зернышко на пропитанье, худые бабочки сидели на кочках, — бесхвостые индюки от стыда прятались по подворотням, голые фазаны горько оплакивали выщипанные перышки. А мимо всех этих бедняков и калек раз'езжали в роскошных экипажах сороки-воровки, хитрые лисицы и другие прохвосты.

— А где же «Поле Чудес»? — спросил Пиноккио.

— Сейчас, сейчас, еще два шага.

Они прошли через странный город и очутились в поле, как две капли воды похожем на обыкновенные деревенские поля.

— Вот оно! — сказала Лиса. — Теперь вырой ямку и положи золотые.

Пиноккио вырыл ямку, положил на дно ее золотые, сверху забросал землей и посыпал солью.

— Теперь поди на речку, зачерпни два ведра воды и полей посев, а я посторожу.

У Пиноккио не было ведра. Он зачерпнул воды в башмаки, полил ямку и спросил Лису:

— А теперь что?

— Ничего, — сказала Лиса. — Теперь мы пойдем по делам, а ты погуляй в городе и приходи сюда через полчаса. Дерево вырастет и на ветках будут висеть золотые монеты. Собирай, да клади в карман.

Пиноккио не знал, как благодарить добрых друзей.

У Пиноккио крадут золотые монеты

Пиноккио пошел бродить по городу, скука, грязище.

«Эх скорее бы полчаса прошло! А что, — думал он, — а что, если вместо двух с половиной тысяч, да там их будет целых пять? А если десять?... А вдруг сто?.. Тогда куплю дворец, целый полк деревянных солдатиков, будет у меня полная кладовая пирогов, тортов со сливками... Тысяча пудов шоколаду»...

Он не вытерпел и побежал обратно. Вот, наконец, и поле... Но что-то не видно никакого дерева...

Пиноккио подошел к тому месту, где вырыл ямку, — как есть ничего нет. Задумался Пиноккио, поскреб в затылке. Стоял как дурак, и вдруг услыхал — неподалеку кто-то насмешливо смеется. Пиноккио поднял голову. На ветке дуба сидел огромный бесхвостый общипанный попугай и хохотал, как сумасшедший.

— Чего ты смеешься, дурак! — рассердился Пиноккио.

— Смешно, потому что я чешусь и сам себя щекочу под крыльями...

Пиноккио ничего не ответил нахалу, пошел к речке, зачерпнул в башмаки воды и полил землю над ямой.

А попугай так и покатывался со смеху.

— Невежа! Чего скалишь зубы?

— Смеюсь над дураками, которых так легко провести за нос!

— Надо мной смеешься?

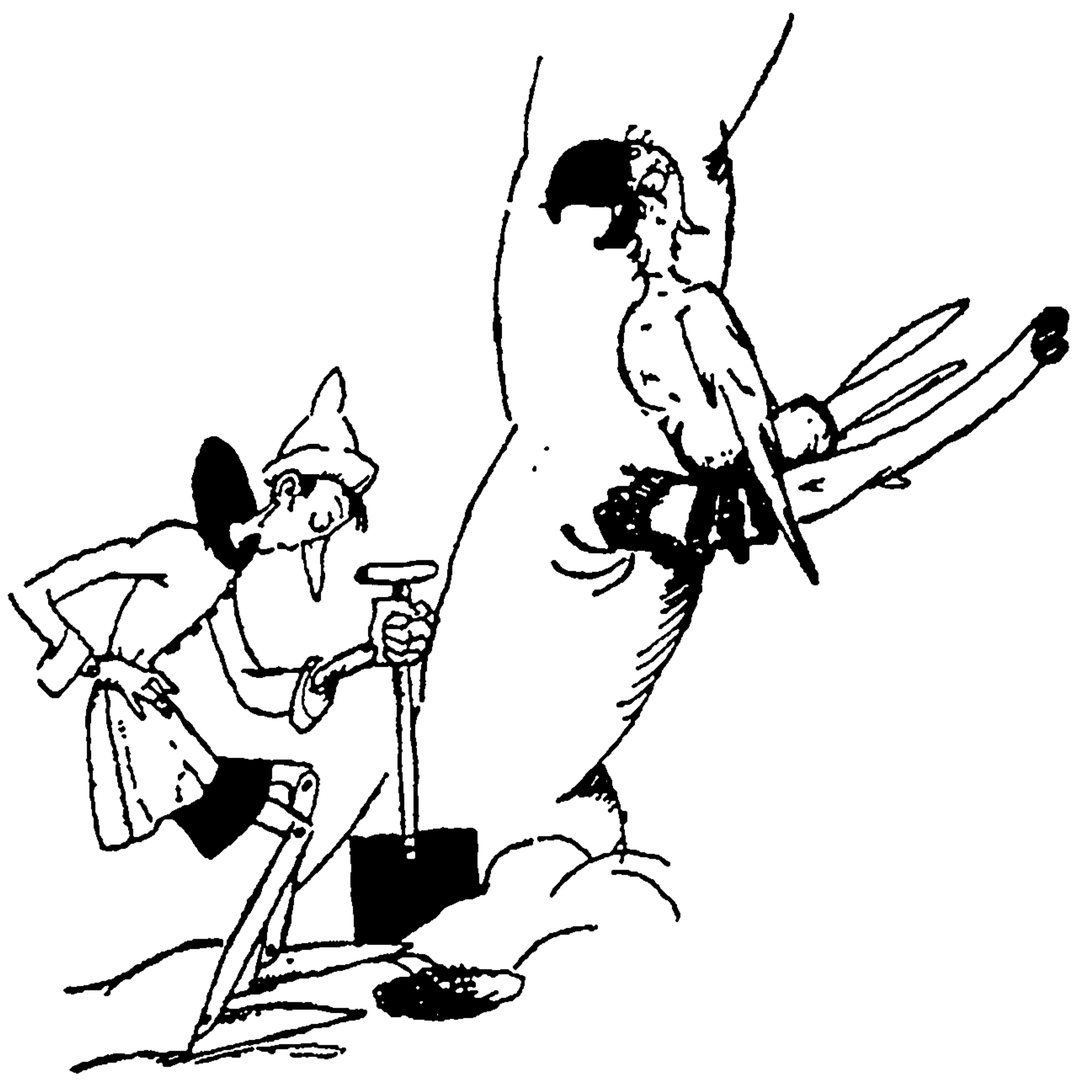
— Над тобой, конечно! Наконец-то ты угадал! Ну где же это

видано, чтобы деньги сажали, точно фасоль или тыкву! Я тоже однажды поверил такому вранью, и, видишь, поплатился почти всеми моими перышками.

— Что ты, дурак несчастный, болтаешь, — сказал Пиноккио, — холодея от страха.

— Ха-ха-ха, Пиноккио, — покатывался попугай, — пока ты был в городе, Лиса с Котом вырыли твои денежки и удрали со всех ног.

Все еще не веря, Пиноккио бросился разрывать ямку. Рыл, рыл, вырыл огромную яму, — а золотые ау, — как сквозь землю провалились.



Что есть духу побежал Пиноккио в город, прямо в суд с жалобой на грабителей. Судьей в городе „Лови Дураков“ была огромная обезьяна из породы горилл, — старая, злющая обезьяна с длинной седой бородой, в золотых очках без стекол. Носила она их для важности.

Пиноккио рассказал все, как было, от начала до конца. Обезьяна выслушала его милостиво и даже казалась растроганнной его бедствиями, и, когда Пиноккио кончил, протянула ему лапу и позвонила в колокольчик.

На зов сейчас же вошли на задних лапах два бульдога, одетые солдатами, и, взяв под козырек, вытянулись в струну. Судья показал им пальцем на Пиноккио и сказал:

— У этого дурака украли четыре золотые монеты. Отведите-ка его в тюрьму!

Пиноккио умолял отпустить его. Он даже не понимал, за что его осудили, кричал, рвался из рук у солдат, но все было напрасно. Ему заткнули рот и потащили, как поросенка.

Четыре месяца, четыре долгих, как годы, месяца, без всякой вины просидел Пиноккио в тюрьме. Может быть, сидел бы он и гораздо дольше, если бы не счастливый случай: в этой стране случилась небольшая революция, — самая пустяшная. Но все же было решено выпустить из тюрьмы всех, кто там сидел. Пиноккио освободили.

Пиноккио хочет вернуться к Волшебнице, но . . .

Выйдя из ворот тюрьмы Пиноккио плюнул, выругался и сейчас же ушел из проклятого городишки. Он побежал по дороге, ведущей к владеньям Волшебницы. После долгих дождей все дороги размыло, грязь была непролазная, по колено, канавы полны водой, но Пиноккио перескакивал их, как охотничья собака.

По дороге он жестоко раскаивался: «кто во всем виноват? Сам, сам во всем виноват... Что подумает обо мне Волшебница?.. Что подумает бедный папа Карло?.. Ах, Боже мой! Сроду не буду больше гадким, противным, непослушным, глупым, разиней... Ну, уже теперь я исправлюсь»...

Эти размышления прервались самым неожиданным образом.

Огромная зеленая Змея, с пышущими огнем глазами, с хвостом, дымящим, как печная труба, лежала поперек дороги. Пиноккио перепугался до смерти, стрекнул в кусты, уселся на камешке и стал ждать, когда Змея уползет по своим делам. Прошел час, и два, и три, а Змея не уползала по своим делам. Тогда Пиноккио набрался храбрости, на цыпочках подошел к чудовищу и тоненьким голоском вежливо сказал:

— Извините, пожалуйста, многоуважаемая Змея, вас не затруднило бы подвинуться немножко с дороги и пропустить меня пройти?

Но слова его, как от стены горох! Змея молчит, лежит, как бревно.

Тогда Пиноккио тем же тоненьким голоском во второй раз сказал:

— Извините за беспокойство, многоуважаемая Змея, но я спешу домой, меня ждет папа Карло, с которым мы не видались четыре месяца.

Змея молчит, будто заснула или окоченела, — глаза закрыла и даже из хвоста перестал идти дым.

— Да она издохла! — обрадовался Пиноккио. — Мы теперь через нее перескочим!

Но не успел он поднять ногу, как Змея развернулась, будто пружина, и разинула ужасную пасть.

Пиноккио отскочил, перекувырнулся и прямо головой попал в глубокую лужу. Змея, видя, как Пиноккио барахтается в грязи, принялась хохотать, хохотать, хохотать... От хохота у нее страшно раздулся живот, до того раздулся, что Змея не могла даже пошевелиться, и только хохотала...

Пиноккио вылез из лужи и пустился бежать, не оглядываясь.

Бежал, бежал, — видит: за изгородью висят гроздья спелого винограда... Ах, Пиноккио не надо бы тебе было смотреть на виноградные гроздья!.. Он перелез через забор, сорвал самую большую гроздь, и, вдруг, — крак! Нога его попала в капкан, который был поставлен здесь для хорьков, лазивших через этот забор в курятник.

Пиноккио ловит крестьянин и сажает в собачью будку стеречь курятник

Напрасно Пиноккио рвался, плакал, кричал, дергался... Никто не шел на помощь. Деревня была далеко, а дорога пустынна. Темнело. От боли и страха Пиноккио почти терял сознанье.

Сверкая в темноте, как крохотный зеленый фонарик, совсем близко пролетала Лучола.

— Лучолина, милая! — взмолился Пиноккио. — Освободи меня, избавь ог этого мученья!

— Бедный мальчик! — приостановилась Лучола. — Как это ты попал в эти железные клещи?

— Я забрался сюда, чтобы сорвать веточку винограду...

— Разве это твой виноград?

— Нет... нет... Мне есть хотелось...

— То-то — есть хотелось... Пошел бы попросил, а ты — воровать...

В это время послышались совсем близко чьи-то осторожные шаги. Это хозяин виноградника шел с фонарем и смотрел, не попались ли в капканы хорьки.

Хозяин так и подпрыгнул, когда вместо хорька увидал в капкане Петрушку.

— Ага! Так это ты, значит, таскал у меня кур!

— Я не воровал ваших кур, — рыдал Пиноккио, — я хотел сорвать лишь веточку винограду!..

— Врешь!

Крестьянин открыл капкан, схватил Пиноккио за шиворот и понес во двор.

— Ну, — сказал он, ставя его на землю, — теперь уже поздно, и я хочу спать. Мы рассчитаемся с тобой, как следует, завтра. А пока, видишь, собачья будка, — сегодня сдох цепной пес, — ты останешься на эту ночь на его месте и будешь сторожить курятник.

Крестьянин надел Пиноккио на шею толстый ошейник с медными бляхами, стянул его покрепче, а длинную железную цепь прикрепил к стене.

— Если пойдет дождь, ты можешь спрятаться в будку. Там еще осталась солома, на ней два года спала бедная собачка; если заслышишь воров, — лай, как можно громче, и буди меня!

С этими словами он вошел в домик и заперся на все засовы и замки. А бедный Пиноккио ни жив, ни мертв остался один в темноте на цепи.

— Так тебе и надо! Так тебе и надо, бродяга! — бранил он себя, вытирая кулаком слезы. — Не слушал бы дурных советов, не бегал бы из дому, работал бы, учился, — никто не посадил бы тебя на цепь. Ах, если бы начать всю жизнь сначала!..

Облегчив горе слезами, он тихонько забрался в будку, лег на солому и заснул.

Пиноккио ловит ночных воров

Пиноккио проснулся около полуночи от какого-то странного шороха. Он высунул из будки нос и увидал четырех темных зверьков, вроде кошек, которые шепотом о чем-то совещались.

Но это были не кошки, а хорьки, большие охотники до винограда и цыплят.

Один из них подошел к будке, заглянул внутрь и сказал:

— Здравствуй, Мелампо!

— Я не Мелампо!

— А кто же ты?

— Пиноккио.

— Что тут делаешь?

— Курятник стерегу.

— А где же старый Мелампо?

— Сдох сегодня утром.

— Ах, бедный, бедный! Он был такой добряк! Но и ты, должно быть, тоже не злая собачка?

— Извините, но я вовсе не собачка.

— А кто же ты?

— Петрушка!

— Ну ладно, нам это все равно, давай, заключим условие, как с покойным Мелампо, — останешься доволен.

— Какое условие?

— А вот: мы будем ходить сюда ночью раз в неделю, и уно-

сить по восьми кур. Семь — нам, а восьмую будешь получать ты, только не лай и не буди хозяина.

— Мелампо так всегда делал? — спросил Пиноккио.

— Ну да, и мы все были довольны. Теперь ложись спать и будь покоен, уходя, мы тебе оставим к завтрему совсем ощипанную курочку. Значит понял?

— Понял! Ладно. Идите, воруйте!

Когда четыре хорька, уверенные в полной безопасности, прошмыгнули один за другим в курятник, вдруг дверь за ними неожиданно захлопнулась, — это было дело Пиноккио. По близости лежал камень. Он подкатил его к двери, чтобы хорьки не вылезли, и начал лаять, и визжать, что есть духу.

Хозяин немедленно высунулся из окна:

— Что случилось?

— Воры!

— Где?

— В курятнике.

— Сейчас, бегу!

Не прошло и минуты, — хозяин вбежал в курятник, перелопил хорьков, посадил в мешок и стал от радости, что, наконец-то, поймал лютых воров, прыгать и колотить себя сзади пятками. Затем он погладил Пиноккио по голове, похвалил за хорошую службу и спросил, кто он такой. Пиноккио рассказал ему о своих несчастьях. Хозяин даже прослезился, снял с него ошейник и сказал:

— Иди с богом!

Пиноккио оплакивает смерть девочки с голубыми волосами

Пиноккио бросился бежать со всех ног и бежал без передышки, покуда не показалась дорога, ведущая в лес Волшебницы. Вот и лесок, где встретился он с Лисой и Котом! Вон над деревьями верхушка огромного дуба, где его повесили... Но отчего же не видать на прежнем месте домика девочки с голубыми волосами?

Сердечко у Пиноккио заныло предчувствием беды. Он выбежал на луг, где стоял прежде беленький дом Волшебницы.

А домика не было! Лежала только на лугу белая мраморная надгробная плита, на которой печатными буквами были написаны вот эти печальные слова:

ЗДЕСЬ
ЛЕЖИТ ДЕВОЧКА
С ГОЛУБЫМИ ВОЛОСАМИ.
Она умерла от горя,
потому что
ее разлюбил и покинул
ПИНОККИО.

Что тут почувствовал бедный Пиноккио, представьте себе уж сами!

Упав ничком на мраморную плиту, он рыдал и обливал ее слезами. Он плакал так всю ночь до утра, выплакал все слезы до

последней капельки, а его рыданья только грустно повторяло эхо.

Он рыдал и говорил:

— Милая Волшебница, зачем ты умерла! Зачем вместо тебя, такой доброй и хорошей, лучше не умер я, злой и гадкий Петрушка! А где же теперь папа Карло? Я хочу жить с ним и больше никогда от него не убегу! Милая Волшебница! Если ты меня любишь, скажи, что ты жива и встань из могилы! Ведь, если придут разбойники, они опять повесят меня, и я умру? А если не придут разбойники, — все равно, кто меня приютит на ночь? Кто мне купит новую курточку? Ой! Ой! Ой!..

Он пробовал рвать волосы, рыдая, но волосы были деревянные и даже этого утешения у него не было!

Над полем, над плитой, где плакал Пиноккио, в это время пролетал огромный белый голубь и спросил в изумлении:

— Что ты тут делаешь, мальчик?

— Не видишь разве? Плачу! — сказал Пиноккио, поднимая голову и вытирая слезы.

Голубь спросил:

— Не знаешь ли ты случайно одного мальчишки, по имени Пиноккио?

— Пиноккио? Так ведь это я, — это я сам!

Голубь сейчас же опустился на землю. Был он огромный, величиной с индюка.

— Ты знаешь может быть и Карло? — спросил Пиноккио.

— Я его видел три дня тому назад на морском берегу, — ответил голубь.

— Что он там делал?

— Мастерил маленькую лодочку, собирался переплыть море. Бедняга, уже четыре месяца разыскивает тебя повсюду, и наконец, вбил себе в голову, что разыщет тебя непременно за морем.

— А далеко отсюда морской берег?

— Да, с тысячу верст будет!

Пиноккио от отчаяния ткнулся носом в землю, завязил нос по самые щеки.

Голубь сказал:

— Хочешь, я отнесу тебя туда? Садись на меня верхом! Не боишься?

Вне себя от счастья, Пиноккио уселся на Голубя верхом. Голубь взвился одним взмахом под облака. Пиноккио взглянул вниз, да так и обмер от ужаса, и изо всех сил вцепился обеими руками в шею доброго Голубя.

Летели они целый день. К вечеру Голубь сказал:

— Я пить хочу!

— А я есть хочу!

— Тогда остановимся ненадолго в этой голубятне.

— В голубятне немножко воды и немножко конопляных зернышек.

Пиноккио никогда в жизни еще не пробовал птичьего корма, но в этот вечер конопляные зернышки показались ему самым вкусным кушаньем на свете.

Поели, отдохнули и снова пустились в путь. А на рассвете были уже на море. Голубь опустил на землю Пиноккио и, не желая слушать никаких благодарностей, взмахнул крыльями и улетел.

На берегу шумела толпа. Все кричали, протягивая руки к морю.

— Что случилось? — спросил Пиноккио у какой то старушки.

— А вот что: — один бедный старик поехал на маленькой лодочке отыскивать пропавшего сына. А видишь, какие волны! Лодочка того и гляди потонет. Вон она! Как скорлупка качается!

Пиноккио долго глядел туда, куда показывала пальцем ему старушка, и вдруг закричал:

— Да ведь это папа Карло!..

Лодочка то исчезала в волнах, то взлетала на кипящие гребни. Пиноккио вскочил на камень, кричал, махал шапочкой, — и, кажется, Карло, несмотря на расстояние, узнал его и тоже махал ему шапкой и делал отчаянные знаки, точно желая сказать: — ты видишь, меня несут волны, я не могу вернуться — прощай!

Огромная волна с бешенством налетела на лодочку, лодочка нырнула вглубь и больше не показывалась.

— Бедняга! Вот бедняга! — говорили рыбаки. И, сняв шапки, стали читать заупокойную молитву.

Но вдруг раздался отчаянный вопль:

— Я должен спасти папу Карло! — И какой-то мальчик бросился в море.

Пиноккио был деревянный. Он отлично плыл и нырял, как рыба. Над водой показывалась то рука, то нога, то голова, то весь он исчезал в волнах и, наконец, совсем скрылся из глаз.

Пиноккио прибивает волнами к „Острову Трудолюбия“

Пиноккио, не теряя надежды спасти папу Карло, плыл всю ночь. Ох, какая это была страшная ночь! Буря, дождь, гром, молнии так и разрывали небо. Только к утру вдали показалась узкая полоска земли, — островок среди бушующих волн. Последним усилием Пиноккио поплыл туда, но буря бросала его из стороны в сторону, как щепку. Наконец, после долгой борьбы его подхватила огромная волна и выбросила прямо на песок. У Пиноккио бока затрещали от удара. Но, все же, он пополз по песку подальше от волн, сел и чихнул раз сто подряд, — еще бы, столько воды наглотался.

Небо понемногу прояснилось, выглянуло солнце, и море успокоилось. Пиноккио разложил на камешках одежду и стал вглядываться вдаль, не видно ли лодочки. Но на сверкающей воде белыми точками маячили только далекие рыбачьи паруса.

«Хоть бы узнать, как называется этот остров, и живут ли тут люди, подобрее тех, что вешают мальчиков на сучках?» — подумал Пиноккио. Но кругом не было ни души.

Пиноккио стало так грустно, что он чуть не расплакался. Но в эту минуту вдоль берега, высунув из воды голову, проплывала по своим делам огромнейшая Рыба.

Не зная, как звать ее по имени, Пиноккио закричал:

— Послушайте, Рыба, позвольте сказать вам два слова!

— Говори, я послушаю, — ласково ответила Рыба.

В сущности говоря, это была не рыба, а очень любезный дельфин; — таких днем с огнем поискать по всем морям земного шара.

— Где бы тут можно было поесть, чтобы тебя самого не с'ели при этом?

— Да вон там, недалеко!

— А куда мне нужно итти?

— Иди прямо, как твой нос торчит, тогда не заблудишься.

— Благодарю вас, но еще скажите мне: — не попадалась ли вам маленькая лодочка? Вы, ведь, плаваете день и ночь по морям.

— А кто в ней был?

— Папа Карло.

— Ну, дружок, этой ночью она, наверно, нырнула на дно вместе с твоим папой Карло! Его, конечно, проглотила акула, которая уже несколько дней шныряет тут по близости.

— Это очень большая акула? — спросил Пиноккио, замирая от ужаса.

— Да, не маленькая! — ответил дельфин, поводя носом. Приблизительно — величиной с пятиэтажный дом, а рот у нее такой широкий, что в него свободно войдет поезд с паровозом.

— Ой, ой, ой! — завопил в ужасе Пиноккио. Прощайте, Дельфин, благодарю вас!

И он бросился бежать, оглядываясь, не гонится ли за ним акула с пятиэтажный дом. Бежал он без отдыху с полчаса и увидел, наконец, невдалеке деревню, которая называлась «Убежище Пчел-Работниц».

В этой деревне все куда-то бежали, спешили, как на пожар, все были чем-то озабочены.

Да, — подумал Пиноккио, тут люди работают день и ночь, это место не для меня»!..

А есть ему хотелось все больше и больше, — ужасно.

Как быть? Оставалось либо наняться в рабочие, либо просить милостыню. Пиноккио стоял и размышлял, как ему поступить; в это время мимо него, пыхтя от натуги, какой-то человек вез тяжелую тележку с углем.

— Дайте мне, пожалуйста, один сольдо, я умираю с голоду! — сказал Пиноккио, и, конечно, покраснел бы, если бы щеки у него были не деревянные.

— Я тебе дам не один сольдо, а четыре, — сказал человек, — а ты мне помоги довезти тележку до дому.

— Удивляюсь, — обиженно ответил Пиноккио, — за осла что-ли вы меня принимаете?

— Вот и прекрасно! — ответил человек, везущий уголь. — Если ты умираешь с голоду, а работать не хочешь, поди тогда нарежь ломтиками твою спесь и кушай ее на здоровье!

Немного погодя, на дороге показался каменьщик с огромным мешком известки за спиной.

— Подайте милостыньку бедному мальчику, умирающему с голоду! — запел Пиноккио.

— С удовольствием, мальчик! Я тебе дам пять сольдо, а ты понеси немножко мой мешок.

— Но он очень тяжелый. Я вовсе не собираюсь умереть с натуги.

— Эгэ, — сказал каменьщик, — посторонись-ка с дороги! И он ушел.

Наконец, на дороге показалась девушка. Плечи ее оттягивало коромысло с двумя ведрами, полными воды.

— Дайте напиться! чуть слышным голосом попросил Пиноккио.

— Пей, голубчик! — сказала девушка, ставя ведра на землю.

Пиноккио пил с жадностью, напился, и сказал совсем тихо:

— Поесть бы, живот подвело.

Добрая девушка сказала:

— Помоги-ка мне донести ведра, за это отрежу тебе большой кусок хлеба.

Пиноккио посмотрел на ведра и не сказал ни да, ни нет.

— Дам еще тебе тарелку гороху со свиной кожей...

Пиноккио опять посмотрел на ведра и промолчал.

— Дам... еще сладкую ватрушку.

Тут Пиноккио не выдержал:

— Дайте-ка ведро. Работать, так работать.

Принеся ведра, Пиноккио сел за стол. Девушка дала ему хлеба, тарелку гороху со свиными шкварками и ватрушку. Пиноккио ел, — за ушами трещало. Наевшись, он обернулся к девушке, чтобы поблагодарить ее, — да так и остался с разинутым ртом и вытаращенными глазами.

— Вы похожи... вы очень похожи... бормотал он, — у Волшебницы был такой же голос... может быть, у вас тоже голубые волосы. Скажите! Это вы, это вы — моя добрая Волшебница?

Пиноккио поступает в школу

— Ну уж ладно, — сказала девушка, — если ты меня узнал, скрываться не стану: — я Волшебница, я — девочка с голубыми волосами...

— Значит вы тогда притворились, что умерли?

— Может быть притворилась, а, может быть, и—не притворилась.

Пиноккио скакал от радости, целовал в румяные щеки добрую Волшебницу, потом, вдруг, спросил:

— Послушайте, ведь, совсем недавно вы были маленькой девочкой, как же вы могли так скоро вырости...

— На то я и Волшебница.

— Я тоже хочу, как можно скорее, стать взрослым.

— Ну, нет, — сказала Волшебница, — вырости ты не можешь, потому что ты деревянный...

— Но я вовсе не хочу навсегда оставаться деревянным Петрушкой, — в отчаянии запрыгал Пиноккио, — я хочу стать настоящим мальчиком.

— Ну, это не так-то легко.

— Что я должен для этого сделать?

— Во-первых, — сказала Волшебница, — перестать баловаться, шалить, не слушаться...

— Честное слово никогда больше не буду...

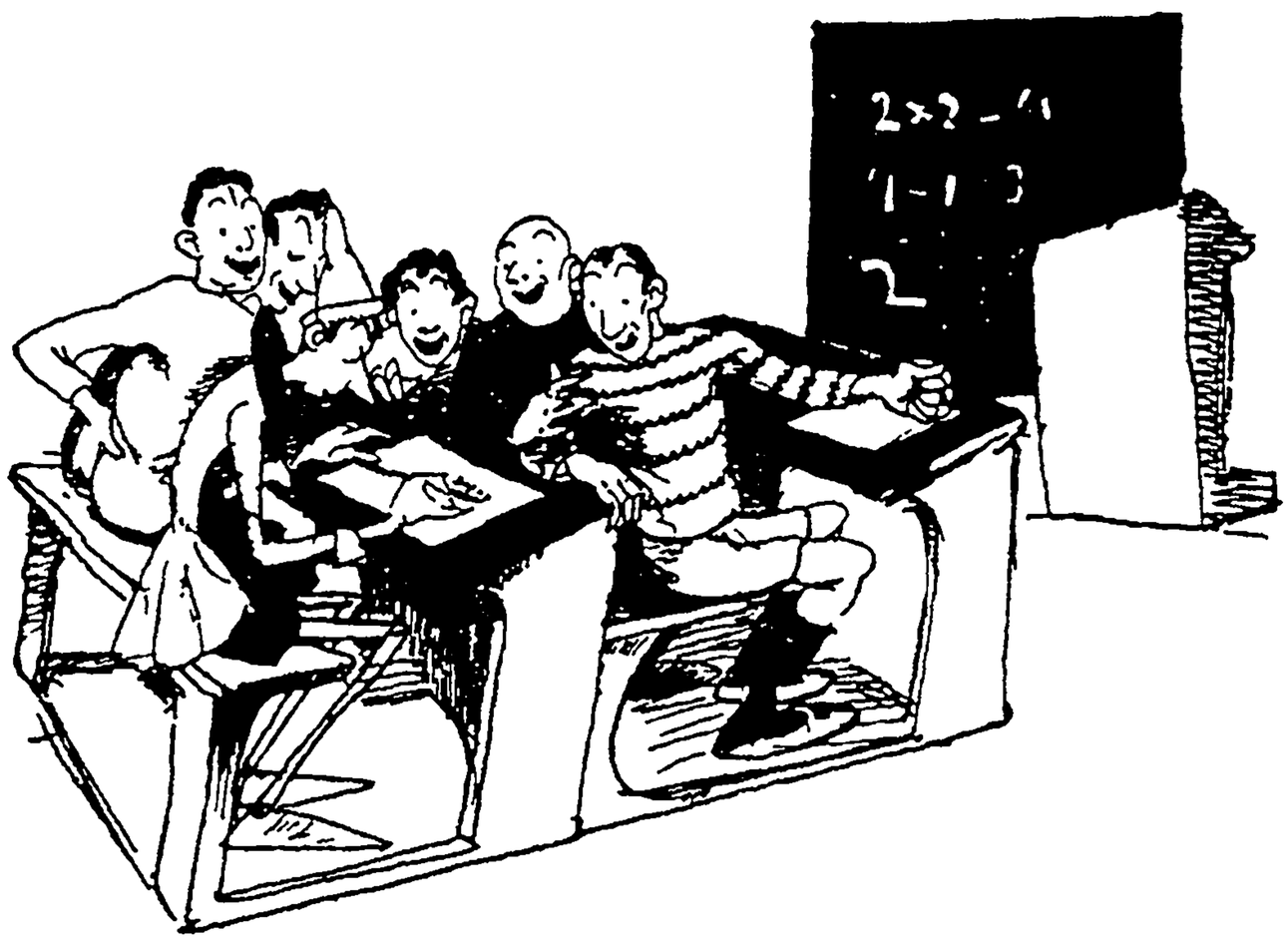
— Во-вторых, — сказала Волшебница и прищурилась, — надо начать учиться, ходить в школу.

— У меня что-то живот очень заболел, — слабым голосом проговорил Пиноккио. — Может быть, об ученьи мы как-нибудь в другой раз поговорим.

Волшебница поджала губы, молчала.

— Я бы рад учиться, да у меня как только примусь учиться — живот страшно болит...

Волшебница сидела, молчала, щеки у нее начали синеть, глаза проваливаться, нос вытягивался, подбородок лез вперед, лицо становилось таким страшным, точно ей было уже не меньше тысячи лет... И вдруг она начала пропадать, сквозь нее даже стала видна спинка стула. Пиноккио ужасно перепугался и закричал:



— Да, буду я учиться... сию минуту в школу побегу, только не пропадайте...

Волшебница засмеялась и опять стала похожей на девочку с голубыми волосами.

На другой день Пиноккио пошел в школу. Но вообразите себе, как хохотали мальчишки, увидав, что в класс входит настоящий деревянный Петрушка. Его окружили, дергали за нос, толкали, щипали, хотели нарисовать чернилами усы. Но Пиноккио не растерялся, сжал кулаки и бросился колотить мальчишек. Одного сшиб пинком, другому устроил «вселенскую смазь», третьему подшиб глаз: — вертелся, брыкался, дрался, как бешеный дьяволенок.

Одним словом, товарищи поняли, с кем имеют дело. После драки все захотели с ним подружиться.

Пиноккио учился в первые дни очень хорошо. Учитель его только похваливал.

Но вот однажды по дороге в школу он встретил несколько самых отчаянных мальчишек, которые постоянно сидели на задней парте, наказанные учителем.

— Пиноккио, Пиноккио, — закричали мальчишки, — к берегу подплыла огромная акула, величиной с дом.

— А вы не врете?

— Лопни глаза, не врем. Мы бежим смотреть ее. Хочешь с нами?

— Нет, я пойду в школу.

— Ладно тебе... Пойдем с нами. Школа не провалится, завтра пойдешь.

— Учитель рассердится...

— Ему за то и деньги платят, чтобы он целый день сердился на нас, да сажал на заднюю парту... Пойдем...

Пиноккио начал колебаться.

— Вот как сделаем... сказал он, — эту акулу я непременно должен увидать по разным моим соображеньям, но я посмотрю ее после уроков...

— Вот дурак, — засмеялись мальчишки, — что же ты думаешь — акула будет тебя дожидаться? Надоест ей у берега плавать — и уйдет опять в море, тебя не спросит.

— А далеко это отсюда?

— В час обернемся туда и обратно.

— Ладно! Бежим.

Пиноккио и лентяи-мальчишки с книжками под мышкой побежали к морю. Было очень весело. Бедный Пиноккио не знал, на встречу каким ужасным несчастьям несут его ноги.

Пиноккио дерется с товарищами и...

Прибежали на берег. Пиноккио поглядел, — нет никакой акулы. Море спокойное, как зеркало, — никакой акулы нет.

— Где же акула? — спросил Пиноккио.

— Завтракает, уплыла, — ответил один мальчишка.

— Легла носом в песок соснуть немножко, — сказал другой. Остальные засмеялись.

Только теперь Пиноккио догадался, что его провели за нос и сердито закричал:

— Это собственно для чего вам понадобилось выдумать дурацкую историю с акулой?

— А для того, чтобы ты пропустил сегодня уроки! Чтобы тебя ругал учитель! Чтобы тебе досталось... Чтобы ты не зазнавался...

Мальчишки вертелись около него, показывали носы, дразнили... Пиноккио прикинулся дурачком:

— А для чего это вам, чтобы мне досталось?

— А потому, что из за тебя нам жить не дают, мы у тебя отобьем охоту учиться...

Пиноккио взялся за живот и покатился со смеху:

— Это вы то отбили... ужасно я вас испугался... А этого не хотите...

И он высунул длинный, длинный язык, показал его мальчишкам. Самый старший из них подошел к Пиноккио, сжал кулаки:

— Перестань дразниться.

Тогда Пиноккио показал ему, кроме языка, еще нос. Мальчишка сейчас же обернулся к товарищам:

— Это вы видали?

Повернулся к Пиноккио:

— Проси сейчас же прощения, изобьем вдребезги!

— Ку-ку — сказал Пиноккио, и высунул язык.

— Пиноккио, берегись!

— Ку-ку!..

— Изобьем тебя, как осла!

— Ку-ку!

— Вернешься домой с разбитым носом!

— Ку-ку!

— Ну, а теперь «Ку-ку» получи от меня! — закричал старший мальчишка. — Вот тебе Ку-ку, с'ешь его за ужином.

Он подскочил и ударил Пиноккио по голове.

Пиноккио в долгу не остался, и сражение разгорелось. Он один дрался с семерыми. Деревянные ноги пригодились ему во второй раз. Он давал ими здоровые пинки направо и налево и держал врагов на приличном расстоянии.

Видя, что в рукопашную Петрушку не одолеть, мальчишки начали кидать в него книжками, норовили попасть прямо в голову. Но Пиноккио ловко уклонялся, а книжки одна за другой летели в море. Глупые рыбы переполошились и, высовывая головы, стаями плавали возле берега. Они думали, что книги можно есть, теребили их, дрались из-за арифметики, географии и диктанта. Привлеченный шумом, из воды вылез огромный Краб, и загудел, как простуженная труба:

— Перестаньте, дураки, возиться... С ума вы сошли шуметь на весь берег.

Но напрасно старый Краб говорил благоразумные слова! Пиноккио оглянулся, и крикнул ему с насмешкой:

— Эй ты, подводная харя! Пососи лучше конфетку от хрипоты!

В это время мальчишки, побросав все книжки в море, схватились за ранец Пиноккио; вытащили оттуда толстый задачник и запустили им в Пиноккио, но задачник угодил прямо в голову одному из озорников, — его звали Евгений.

— Ой, ой, ой, мама, — закричал он и повалился на песок, как подкошенный.

Мальчишки перепугались и бросились врассыпную. Пиноккио, окаменев от ужаса, глядел на раненого товарища. Потом бросился к воде, намочил платок и стал прикладывать ему к голове.

— Евгений! Милый, хороший, дорогой, открой глаза, — пожалуйста, — бормотал Пиноккио. — Это не я тебя ударил. Открой глаза, ради бога!

В это время захрустели по камешкам чьи-то тяжелые шаги. Пиноккио обернулся. Подходили два полицейские.

— Что ты тут делаешь? Что случилось? Почему этот мальчишка валяется? — спросили они у Пиноккио строго.

— Это мой товарищ.

— Что с ним?

— Ему дурно.

— Эге, да какое там дурно. Ему всю голову раскроили! Это ты его так отделал, бездельник?

— Не я!.. Не я! бормотал Пиноккио, стуча зубами.

— Чем его ранили?

— Вот этой книжкой, — Пиноккио показал на валяющийся задачник.

— А книга чья?

— Моя...

— Ну, довольно дурака валять. Пойдем, поворачивайся!

Полицейские взяли Пиноккио под руки и повели, а на пути сказали рыбакам, чтобы подобрали Евгения, отнесли его к родителям.

Пиноккио шел между двух полицейских, ему казалось, что все это — страшный сон. В глазах двоилось, ноги дрожали, во рту пересохло, язык прилип к нёбу, в голове все спуталось.

— Пропал, пропал, — повторял про себя Пиноккио.

Они уже подходили к деревне. Вдруг ветер сорвал с Пиноккио шапочку, и она полетела и покатилась далеко, далеко...

— Позвольте мне поднять шапочку!—робко попросил Пиноккио.

Полицейские посмотрели друг на друга, пошевелили усами, потом необыкновенно проницательно посмотрели на Пиноккио, подумали и сказали:

— Ну, ладно, беги, догоняй шапку.

Пиноккио побежал, продолжал улепетывать чем дальше, тем быстрее, схватил шапку и от полицейских прямо к морю, — только пятки сверкали. Полицейские скоро смекнули, что Петрушка их провел, и побежали за ним, но запыхались. Тогда они свистнули огромного бульдога, получившего первую премию на собачьих гонках, и пустили его в погоню за Пиноккио. Люди высовывались из окон, заинтересованные небывалым приключением. Но их любопытство так и осталось неудовлетворенным, потому что Пиноккио с бульдогом подняли густой столб пыли и скрылись из глаз.

Пиноккио угрожает опасность быть зажаренным на сковородке

Во время этой бешеной скачки была одна ужасная минута, когда Пиноккио уже считал себя погибшим. Алидор, — так звали бульдога, почти вцепился зубами ему в штаны, и Пиноккио уже чувствовал на спине горячее раз'яренное дыхание. А берег был совсем близко, море весело играло бирюзовыми волнами в нескольких шагах. Собрав последние силы, Пиноккио сделал огромный прыжек, шлепнулся в воду и поплыл. Алидор с разбега бултыхнулся вслед за ним. Но он не умел плавать, барахтался, бил по воде лапами, чихал, — ничего не помогало. Алидора тянуло на дно. Он было совсем и нырнул туда, но последним усилием выскочил и залаял:

— Помоги! Тону!

— Ага, — обернувшись, крикнул Пиноккио, — а за штаны хватать — это тебе нравится?

— Спаси меня, милый Пиноккио, тону... буль... буль... буль...

У Пиноккио было все же доброе сердце. Он пожалел собаку, подплыл и спросил:

— Если я тебя спасу, ты опять, ведь, за мной бросишься?

— Клянусь тебе! Клянусь, не брошусь... Вот тебе — собачья клятва.

И тонущий Алидор, клянясь, поднял над водой лапу...

Тогда Пиноккио, зная, что если собака дала собачью клятву, то скорее умрет, чем нарушит ее, схватил Алидора за ошейник, поплыл к берегу и помог несчастному выбраться на песок.

Алидор едва держался на лапах, он наглотался соленой воды и раздулся пузырем.

Вдали виднелись полицейские. Пиноккио бросился опять в воду и крикнул оттуда:

— Прощай, Алидор! будь здоров...

— Прощай, Пиноккио, ты меня спас от смерти, я этого не забуду...

Пиноккио плыл все время близ берега. Когда полицейские скрылись из глаз, он огляделся. Между прибрежными скалами виднелся темный вход в какой-то грот, из которого вился легкий дымок.

«В гроте, наверно, кто-нибудь развел костер, — подумал Пиноккио, — пойду погреюсь и обсохну! А там видно будет»...

Он подплыл к гроту и хотел уже было вскарабкаться внутрь его по камням, но вдруг почувствовал под ногами в воде какое-то движение. Его засасывало, тянуло вниз, в глубину. Он рванулся было, но увидал, что пойман вместе с рыбами в сеть. Рыбы отчаянно бились, сеть сотрясалась, но выхода не было, — все кончено!

Пиноккио поглядел вокруг и замер от ужаса. Из грота выходил, цепляясь за скользкие стены, не то человек, не то водяной.

Вместо волос у него спутанные водоросли спускались космами до самых плеч; весь он был зеленый, — с зелеными горящими глазами, с зеленой бородой, с зелеными ногами, — зеленый, как огромная лягушка.

Вытянув сеть, Зеленый радостно зарычал:

— Вот так улов! Значит, зажарим целую сковороду рыбы, поедим... Хм, хм...

«Слава Богу, что я не рыба!» — подумал Пиноккио.

Зеленое чудовище с хлопаньем и урчаньем потащило сеть в грот, где на очаге стояла огромная сковорода и в ней шипело масло.

Зеленый вывалил из сети рыбу и, рыча от удовольствия, стал бросать рыбу за рыбой в ведро с водой... Эх, рыба хороша, эх, рыба жирна!.. Наконец, дело дошло до Пиноккио. Зеленый взял его в лапы, повертел и вытаращил глаза от изумления.

— Это что же за штука такая? Никогда еще мне эдакая штука не попадалась!

Он долго разглядывал Петрушку и, наконец, сказал, ухмыляясь:

— Гм, гм... это, должно быть, морской краб.

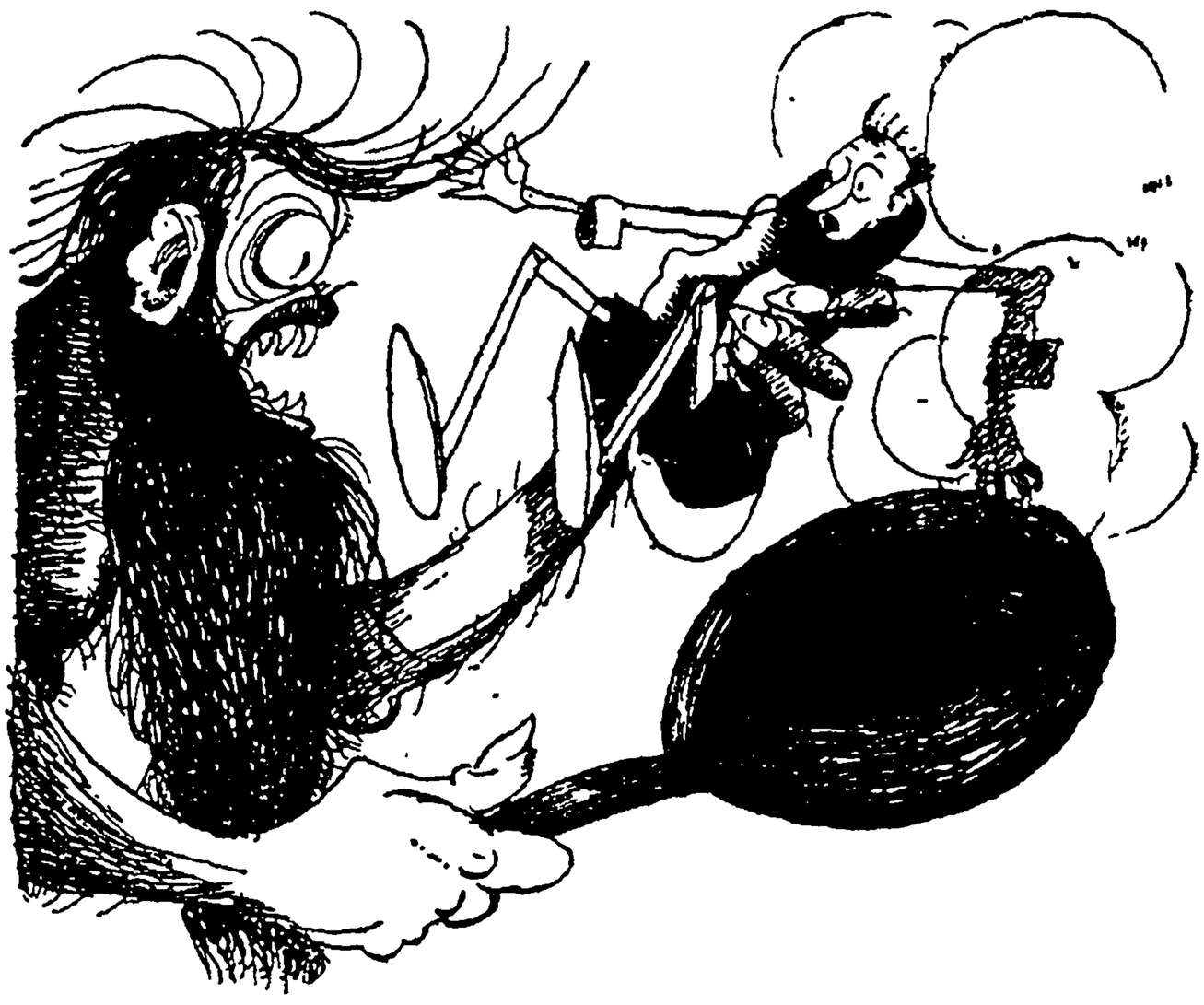
Пиноккио ужасно обиделся, что его приняли за краба и пропищал:

— Я вам вовсе не краб, я — Петрушка...

— Петрушка? Никогда я еще Петрушки не пробовал, — захохотало чудовище. Сейчас узнаю, какой у тебя вкус!

— Вы меня хотите с'есть, — Вы с ума сошли... Я же Петрушка... Пиноккио...

Я учусь в школе...
Я географию знаю...
Я таблицу умножения учу...



— Очень хорошо, — опять захныкал Зеленый. Если ты знаешь таблицу умножения — мы тебя зажарим отдельно, и с'едим под помидоровым соусом.

— Отпустите меня домой, — заревел Пиноккио.

— Ты шутишь, голубчик! Чтобы я упустил случай попробовать такое редкое кушание!.. Не каждый день попадаются рыбы, которые знают таблицу умножения.

Пиноккио стал еще пуще биться, рыдать и причитать...

— Зачем, зачем я не пошел в школу!.. Лучше бы мне было на свет не родиться! Ой, ой, ой, отпустите меня, пожаааалуйста!

Зеленому чудовищу надоела вся эта канитель. Он связал Петрушку и бросил его в ведро. Потом насыпал на стол муки и стал в ней обваливать рыбешек, бросая одну за другой в масло, на сковороду.

Пиноккио весь закоченел от страха. Вот она смерть!

Наконец, Зеленый взял Петрушку и обвалял в муке. Пиноккио стал белый, Зеленый схватил его за ноги и...

Пиноккио возвращается к Волшебнице

В эту ужасную минуту вбежал в грот бульдог.

— Пошел вон! зарычало на него зеленое чудовище, замахиваясь обваленным в муке Пиноккио.

Но бульдог умильно вилял хвостом, точно говоря:

— Дай мне кусочек, тогда уйду!

— Вон! — завыл на него Зеленый, и приспособился дать ему ногой пинка в зад.

Тогда собака злобно оскалилась. В это время слабый голосок запищал:

— Спаси меня, Алидор! Он меня сейчас зажарит в масле на сковородке!

Бульдог узнал голос Пиноккио. Времени терять было нельзя. Алидор выхватил из рук у чудовища обваленного в муке Пиноккио и стрелой бросился вон. Зеленый побежал за ним. Но споткнулся, зачихал, и, ругаясь, вернулся в грот.

Когда Алидор был уже на пути к деревне, он оглянулся, перевел дух, и осторожно поставил Петрушку на землю.

— Как мне благодарить тебя, Алидор! — сказал Пиноккио, протирая глаза, засыпанные мукой.

— Чего-же благодарить, — ты спас меня, а я тебя...

— Но как же ты попал в грот?

— Я лежал на берегу и вдруг чую — потянуло вкусно жареным маслом, а мне есть до смерти хотелось. Я, значит, прямо в грот...

— Спасибо, спасибо тебе, Алидор...

— Будет тебе...

Алидор протянул Пиноккио лапу, и тот горячо пожал ее. После этого бульдог побежал по своим делам, а Пиноккио, увидав на пороге маленькой избушки какого-то старика, подошел к нему.

— Здравствуйте, дедушка, — сказал он и низко поклонился, — не знаете-ли, что сделалось с мальчиком, которому разбили голову книжкой?..

— Ничего не сделалось, — ответил старичок, — надрали уши, чтобы не баловался! Что ему сделается...

— Пиноккио обрадовался: значит, теперь полицейские ловить его больше не станут и в тюрьму не посадят.

Старичок в это время оглядывал его с удивлением:

— Где же это ты, братец мой, в муке извалялся, тесто, что ли, воровал?

— Это не мука, это известка, — соврал Пиноккио, — я на постройке работал, в яму упал...

— Но, как только он соврал, — нос его стал вытягиваться, вытягиваться и вытянулся. Старичок долго глядел ему на нос, вздохнул:

— Ну, ну, вот так хвастун...

— Тогда Пиноккио рассказал ему про свои несчастия и под конец попросил какой-нибудь одежонки, — весь он был истрепанный, измазанный. Старичок опять покачал головой, видимо пожалел Петрушку:

— Возьми, вон мешок валяется, вот тебе и одежа.

Пиноккио поблагодарил, взял мешок, прорезал в нем дыры для рук, для ног и для головы, — надел и побежал домой, к Волшебнице.

Добрался он до деревни только к ночи. Было темно, хоть глаз выколи! Дождь, ветер, гроза.

Вот и домик Волшебницы. Какое счастье! Пиноккио подбежал к двери, но тут взял его страх: и попадет же ему от Волшебницы за все проделки.

Набравшись храбрости, он постучал легонько. В доме все было тихо. Он еще постучал, посильнее, и тогда сверху из окна высунула рога огромная Улитка.

— Кто там стучит в такую позднюю пору?

— Волшебница дома? — спросил Пиноккио дрожащим голосом.

— Волшебница спит, не велела себя будить. Ты кто такой?

— Это я, Пиноккио.

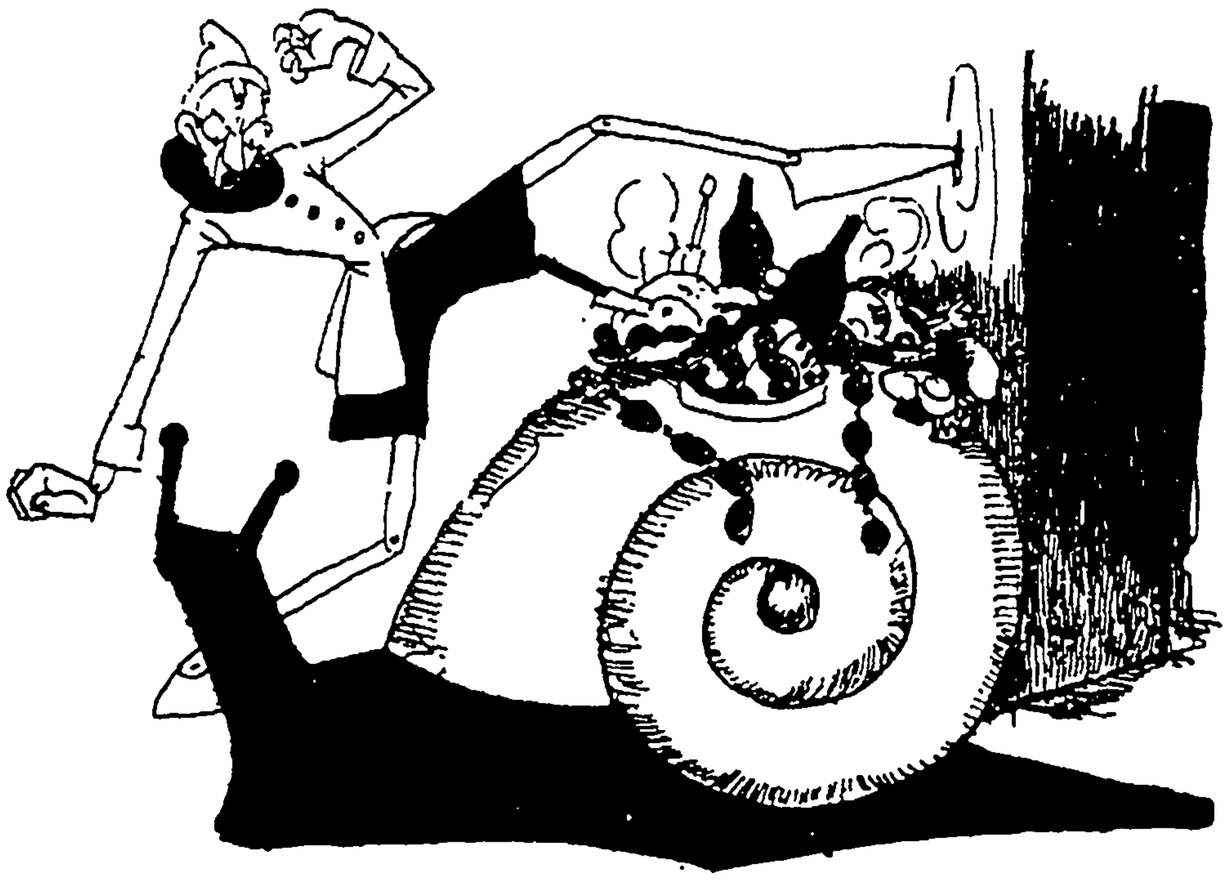
— Ага... Знаю, знаю, — сказала Улитка, — подожди, я сейчас сойду и отопру.

— Поскорее, а то очень холодно.

— Ну, голубчик, уж извини, не могу спешить: я — Улитка.

Пиноккио присел на крылечке и стал ждать.

Прошел час, прошел и другой... Дрожа от холода, промокший, голодный Пиноккио стучал зубами. Сил не было ждать. Тогда он постучал еще раз. Улитка выглянула теперь из окна уже нижнего этажа и недовольно пошевелила рогами.



— Улиточка миленькая! Я жду два часа. Отворите, пожалуйста...

— Ползу, ползу со всех ног, скорее не могу, потерпи, — сказала Улитка, и окно захлопнулось.

Пробила полночь, пробило час, два, а Улитка все не отпирала двери. Потеряв терпение, Пиноккио вцепился обеими руками в дверной молоток и начал колотить им изо всех сил. Но медный молоток вдруг вырвался из рук и бултыхнулся в лужу.

Пиноккио в бешенстве начал колотить в дверь ногами, — весь дом затрясся от стука.

— Отворишь, врешь, чертовка рогатая, — и Пиноккио что есть силы пхнул в дверь, и тут случилась ужасная беда: нога его, пробив дерево насквозь, завязла в нем, как гвоздь. Пиноккио рванулся, запищал и повис, и висел так до рассвета. Только в семь часов утра показалась на пороге Улитка.

— Что это с твоей ногой? засмеялась она.

— Сама видишь, что спрашиваешь? Помоги, пожалуйста...

Улитка пошевелила руками, покачала головкой — на все это ушло не меньше получаса.

— Нет, тут я ничем не могу помочь, надо столяра позвать.

Столяр, может быть, вытащит твою ногу, если столяр попадется хороший.

— Послушайте, Улитка, позовите Волшебницу.

— Нет, не могу, Волшебница не велела будить себя, а когда проснется — не знаю.

— Что же я тут целый день буду висеть?

— Не беда! Ты можешь чем нибудь заняться от скуки. Например, можно муравьев считать, их тут много ползает.

— Принесите мне чего-нибудь поесть!

— Сейчас! Это можно. Поесть — это можно, я принесу.

Через три с половиной часа она вернулась с серебрянным блюдом на голове; что за вкусные вещи там были: жареный цыпленок, румяный хлеб, и спелые великолепные абрикосы.

Пиноккио так и накинулся на еду. Но каково же было его огорчение, когда хлеб оказался гипсовым, цыпленок картонным, а абрикосы восковыми. От голода и обиды он совсем изнемог, и повис на двери, голова у него закружилась, закружилась...

Очнулся он у себя в комнатке. Рядом стояла Волшебница, смотрела на него. Пиноккио втянул голову в плечи, — один нос торчал у него от страха.

— И на этот раз прощаю тебе! — сказала Волшебница, — но в следующий раз — берегись!

Пиноккио клялся и божился, что будет всегда слушаться и — честное расчестное слово, завтра побежит в школу.

Пиноккио сдержал обещание. Учиться он принялся во всю, — с шалунами не водился. Учился отлично. Из дому не бегал. К концу года он принес великолепные отметки по всем предметам.

— Завтра исполнится твое желание, сказала Волшебница. Завтра утром ты проснешься не деревянным Петрушкой, а настоящим мальчиком.

Пиноккио подскочил до потолка и двенадцать раз перевернулся в воздухе. Боже мой, как долго мечтал он об этом счастливом дне, и вот — счастье наступит завтра!

Волшебница решила в честь такого великого события устроить детский праздник и пригласить на него школьных товарищей Пиноккио.

Пиноккио уезжает в „Страну Дураков“

Пиноккио попросился сбегать в город, чтобы пригласить товарищей.

— Иди, сказала Волшебница, — но смотри, возвращайся засветло!

— Одним духом слетаю, до свиданьица.

Вприпрыжку, напевая песенку, побежал Пиноккио в город и побывал у всех товарищей, которые должны были явиться к нему на праздник. Из всех друзей он любил больше всего Ромео, по прозванию «Фителек». Звали его так за необыкновенную худобу. И он, действительно, был похож на новенький тоненький лампадный фителек. Фителек считался самым озорным мальчишкой в школе. Наверное Пиноккио и любил его именно за это.

Фитилек жил на окраине, и Пиноккио пошел к нему, но не застал дома. Зашел второй раз, — опять нет. Третий, — тоже нет. Где его искать? а найти нужно. Пиноккио обегал несколько улиц и, наконец, нашел приятеля в очень странном месте: Фитилек прятался под воротами какого-то нежилого домишки.

— Что ты тут делаешь? — спросил удивленный Пиноккио.

— Тише! Я жду полночи. Собираюсь бежать...

— Куда?

— Далеко, очень далеко!

— Не говори пустяков! Приходи завтра ко мне на праздник. Ты знаешь, что завтра со мной будет?

— Что?

— Завтра я превращаюсь в мальчика.

— Очень приятно! но придти к тебе никак не могу. Должен бежать.

— Куда?

— В «Страну Дураков». Бежим вместе!

— Я? Да ты с ума сошел!

— Жалко. Не хочешь, не надо, только потом раскаешься. Где ты найдешь без меня такую счастливую страну? Там нет ни школ, ни книг, ни учителей! Там в неделе семь воскресений. Вот это страна. Убегу туда сегодня же ночью. Бежим вместе!

— А что в этой стране дураков делают? — спросил заинтересованный Пиноккио.

— Ничего не делают, играют, шалят. Бежим. А?

— Нет, и нет! — твердо сказал Пиноккио, — я обещал засветло быть дома. К тому же завтра... Нет! Нет! Прощай!

— Куда же ты так торопишься, будто на пожар! Подожди минутку.

— Не могу, Волшебница рассердится... А ты один бежишь?

— Какое там один! Нас человек сто бежит. Сюда после полуночи заедет телега и довезет нас всех до границы.

— Жалко, не увижу, как вы поедете. Жалко.

— Оставайся, увидишь.

— Не могу, я сказал уже тебе...

— Тогда прощай, кланяйся всем.

— Прощай, Фитилек!..

Пиноккио отошел несколько шагов, но вернулся и спросил:

— А ты уверен, действительно, что там в неделе семь воскресений?

— Фу ты, какой бестолковый. Говорю, семь.

— Да, это прекрасная страна!—задумчиво повторил Пиноккио. Затем, совсем уже решительно на этот раз, сказал:

— Прощай! Счастливого пути!

— Прощай!

— А скоро вы поедете?

— Через два часа!

— Жаль... очень жаль. Если бы через час, я бы остался посмотреть...

— А Волшебница то как-же?

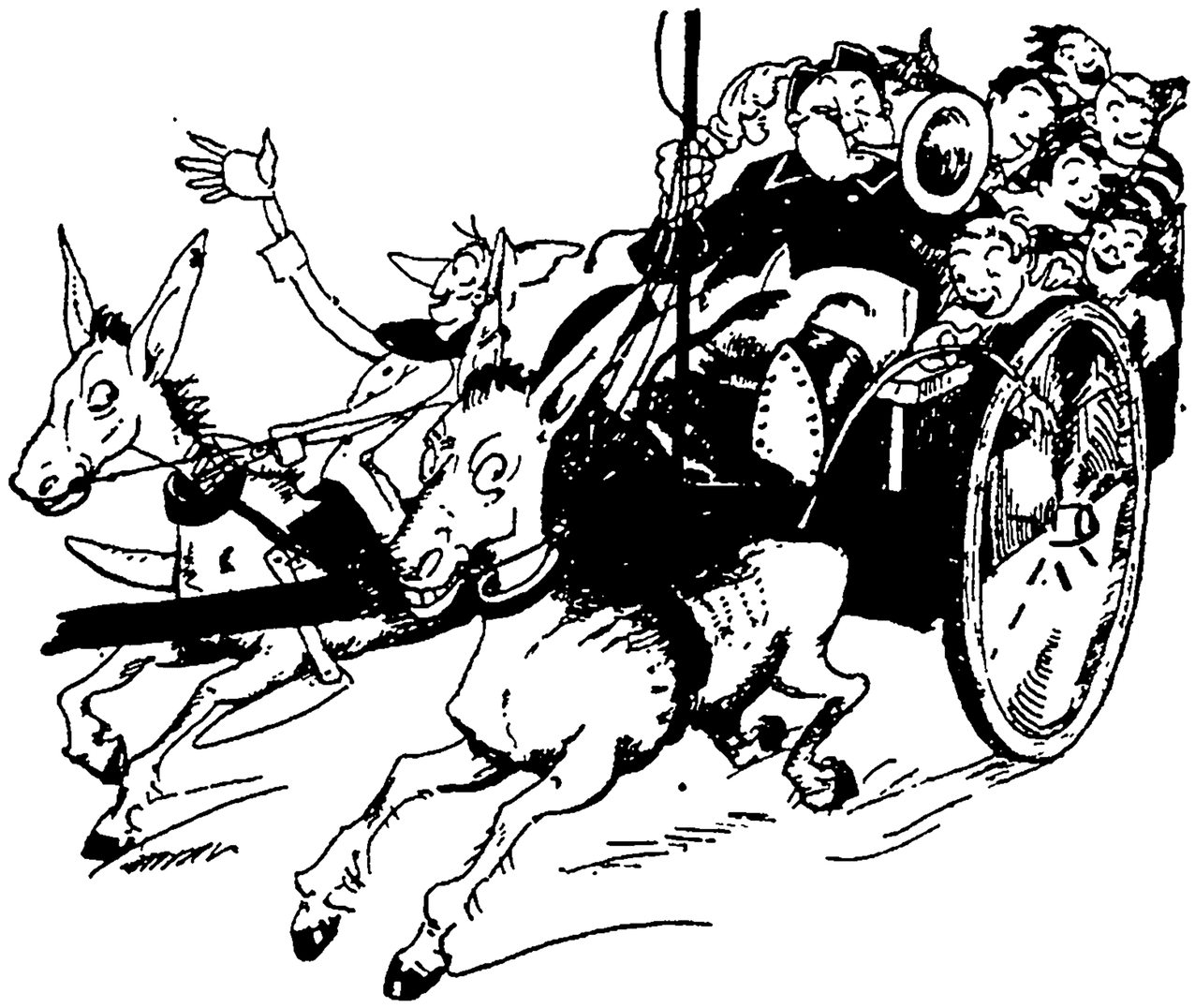
— Теперь, все равно, я опоздал... Часом раньше, часом позже — все равно...

Было уже совсем темно. В это время вдалеке замелькал фонарик, зазвенели бубенчики, и тонко и сдавленно запела сигнальная труба.

— Вот она! — прошептал Фитилек.

— Кто? — шепотом спросил Пиноккио.

— Телега! Ну что, едем?



Пиноккио приезжает в „Страну Дураков“

Телега под'ехала потихоньку. Ее колеса, обернутые тряпками и паклей, катились неслышно. Везли ее двенадцать пар ослов разных мастей: серые, белые, с крапинками, с полосками. Вместо подков у них были белые кожаные сапожки. Кучер... но кучер то уж был совсем замечательный... Круглый, жирный, как масляный шарик, лицо улыбающееся, точно румяное яблочко, голосок, как кошачье мяуканье.

Из-за дома, из-за всех углов, из-за подворотни высыпали мальчишки. Увидали такого красавца на козлах, и все поголовно в него сейчас же влюбились и стали прыгать в телегу. Шалуны мальчишки набились в телеге, как сельди в бочке, — ни дохнуть, ни охнуть. Но ничего! Зато было весело! Кучер засмеялся и хлестнул длинным бичем по всем 24 ослам.

— Меня-то, меня возьми! — крикнул Фитилек, вскарабкиваясь на козлы.

— Садись на козлы, — сказал веселый кучер и поглядел на Пиноккио, весь даже расплылся, как блин, от улыбки:

— А ты, деревянный мальчишка, тоже с нами едешь?

— Нет, я останусь, — решительно ответил Пиноккио.

— Ну что ж, оставайся, мне то что...

— Пиноккио! — закричал Фитилек, — едем, веселее будет!

— Поедем! Поедем, вот весело то будет, — закричали мальчишки из телеги. Пиноккио тяжело вздохнул раз, другой, третий. Подумал, подошел поближе и сказал:

— Я вас только провожу немного. Ладно? — И он полез было в телегу. Кучер сказал:

— Куда лезешь, видишь — места нет, садись на осла верхом.

Пиноккио подошел к одному из ослов и только поднял ногу, чтобы сесть верхом, — осел ни с того ни с сего лягнул его в живот. Пиноккио кубарем покатился на дорогу. Мальчишки захохотали, как сумасшедшие, а кучер подбежал, поднял Пиноккио и, — что было ужасно странно — прошептав: бедняжка Пиноккио, — откусил ему половину уха.

Ухо у Пиноккио было, разумеется, деревянное, поэтому он не обратил особого внимания на то, что ему откусили ухо... Гораздо обиднее было то, что смеялись мальчишки. Он подбежал к тому же ослу и ловко на этот раз вскочил на него верхом.

Поехали... Стали подниматься в горку. Пиноккио чувствовал себя очень хорошо. Но, вдруг, кучер ни с того ни с сего дал ему такого пинка в зад, что Пиноккио покатился с осла и шлепнулся на дорогу.

Мальчишки опять захохотали, поджимая животы, а кучер соскочил с козел, поднял Пиноккио и опять, — ужасно странно, — взял и откусил у него половину другого уха. Пиноккио озадаченный, опять уселся верхом на осла. Дорога была пустынная, кругом ни души. Откуда то все время слышался голос:

— Бедный дурачек, как ты будешь жалеть обо всем этом! Как жестоко раскаешься!

Пиноккио оглядывался. Никого нет. Мальчишки спали, повалившись друг на друга. Фитилек храпел, сидя на козлах. Кучер щелкал бичем и напевал сквозь зубы:

Все ночью спят...
Один я не сплю...

Проехали еще с полверсты, и тот же таинственный голос проговорил совсем близко:

— Берегись, Пиноккио! Тебя ждут большие несчастья! Когда-нибудь заплачешь ты, как я сейчас плачу, но поздно будет...

Пиноккио перепугался, перескочил со спины ослу на шею, потрогал его за морду и очень удивился, видя, что осел плачет.

— Кучер! Кучер! — позвал он возницу — у вас осел плачет!

— Ничего. .. Поплачет да и перестанет, — беспечно ответил кучер.

— Немножко говорит. Научился в цирке у дрессированных собак. — Ну, ладно, будет болтать. Садись на свое место, дорога не близкая.

Пиноккио послушно уселся опять на осла, и они двинулись дальше.

На рассвете телега доехала до «Страны Дураков».

Эта прекрасная страна не была похожа ни на одну страну в мире. Жили в ней одни дети, от семи до четырнадцати лет. На улицах был невероятный шум, крик, писк, вой, хохот, — хоть уши затыкай.

Кто играл в бабки, кто в жмурки, кто в веревочку... Велосипеды, деревянные лошадки, обручи, — не пройти, не проехать. Паяцы поют, солдатики идут на войну, маленькие карапузы гоняются за курами, дудят в дудки, ходят на четвереньках, — дерутся, кувыркаются... Пыль. Возня. Дым коромыслом!

На всех площадях понастроены цирки, театры, балаганы, перед афишами и у кассы стоит толпа с утра до вечера. Все стены исписаны каракулями:

— Долой школы! Долой книги! Долой учителей!

Мальчишки соскочили с телеги и кинулись в толпу.

Сейчас же началась дружба, игры, шалости, все как следует.

— Вот это жизнь! — говорил с восхищением Пиноккио Фитильку. — Умирать не надо!...

— Вот видишь! Значит прав то был я! А ты еще не хотел ехать! Связался со своей Волшебницей! Очень тебе надо было учиться...

— Правда. Спасибо тебе, Фитилек! Идем в балаган смотреть представление.

Так прошло пять месяцев. Пиноккио не знал ни школы, ни уроков, ни учителей, — только игры да забавы с утра до вечера. Лучше бы и не надо. Но его ожидала очень неприятная история...

У Пиноккио растут ослиные уши

Однажды утром Пиноккио проснулся в самом веселом расположении духа и, думая о предстоящих развлечениях, хотел почесать за ухом. Но, о ужас! Уши у него выросли за ночь в четверть аршина длиной... Папа Карло, когда его вытачивал, сделал ему ушки маленькие, хорошенькие, чуть заметные. Все любовались ими. И вдруг... Пиноккио бросился к ведру с водой и, наклонившись, стал глядеть на себя. Осел, настоящий осел!

Пиноккио заорал не своим голосом. Не тут то было! Уши росли, да росли и покрывались прекрасной, гладкой шерстью. На этот шум прибежала хорошенькая белочка и ласково спросила:

— Что с тобой случилось, миленький?

— Я очень опасно захворал, пощупай мне пульс.

Белочка пощупала пульс Пиноккио правой лапкой:

— Да, — сказала она, — у тебя сильный жар. Мне не хочется тебя огорчать, но ты очень серьезно болен...

— Что же со мной такое?

— Ослиная лихорадка, голубчик!

Пиноккио понял все, но притворился дурачком.

— У меня ослиная лихорадка? Что за вздор! Она бывает только у ослов!

— Это верно, но ты через два часа превратишься в осла...

— Ой! Ой! Ой! — еще громче заорал Пиноккио. — Я не хочу быть ослом! Что мне делать? Я погиб!

Он изо всех сил рвал и теребил ослиные уши, точно они были чужие.

— Я не виноват. Это все из-за Фитилька случилось!

— А зачем ты его слушал?

— Ой, ой, ой! — завыл Пиноккио. — Ну, погоди, я ему это припомню! Я ему бока наломаю.

И он бросился было бежать, чтобы наломать бока Фитильку, но вспомнил об ушах и опять стал в отчаянии рвать их. Торчат, торчат, проклятые, как у настоящего осла!

Но Пиноккио был все-же догадлив. Он схватил кусок картона, смастерил из него колпак, нахлобучил его на самый нос и выбежал на улицу.

Фитилька не оказалось ни на улице, ни в переулке, ни в балагане. Точно в воду канул. Пиноккио спрашивал у всех, — никто Фитилька не видал, тогда он побежал к нему на дом и постучал.

— Кто там? — недовольным голосом спросил Фитилек.

— Я! Отопри!

Фитилек не отпирал что-то очень долго.

— Скорее!

— Сейчас! Сейчас!

Наконец, дверь отворилась, и Пиноккио увидал своего друга в таком-же точно бумажном колпаке.

Он ужасно обрадовался, — значит, у него тоже ослиная лихорадка, — но не подал виду и спросил:

— Как поживаешь, Фитилек?

— Прекрасно! Как сыр в масле катаюсь.

— А зачем ты колпак надел?

— Мне велел его носить доктор, потому что у меня болит коленка. А ты зачем надел?

— У меня живот что-то заболел.

Наступило неприятное молчание. Наконец, Пиноккио спросил:

— У тебя никогда не болели уши?..

— Сегодня немножко стреляет в правом ухе...

— А у меня в обоих.

— Покажи мне их, пожалуйста.

— Нет, ты сначала...

— Ну, тогда вместе, — раз, два, три!

Шалуны разом стащили колпаки.

Видя, что их постигла одна и та же беда, мальчишки вместо того, чтобы плакать, начали хохотать, как сумасшедшие.

Они хохотали, держась за животы, прыгали, скакали, казалось, что этому веселью и конца не будет. Но вдруг Фитилек закричал:

— Ой! Поддержи меня, я падаю!

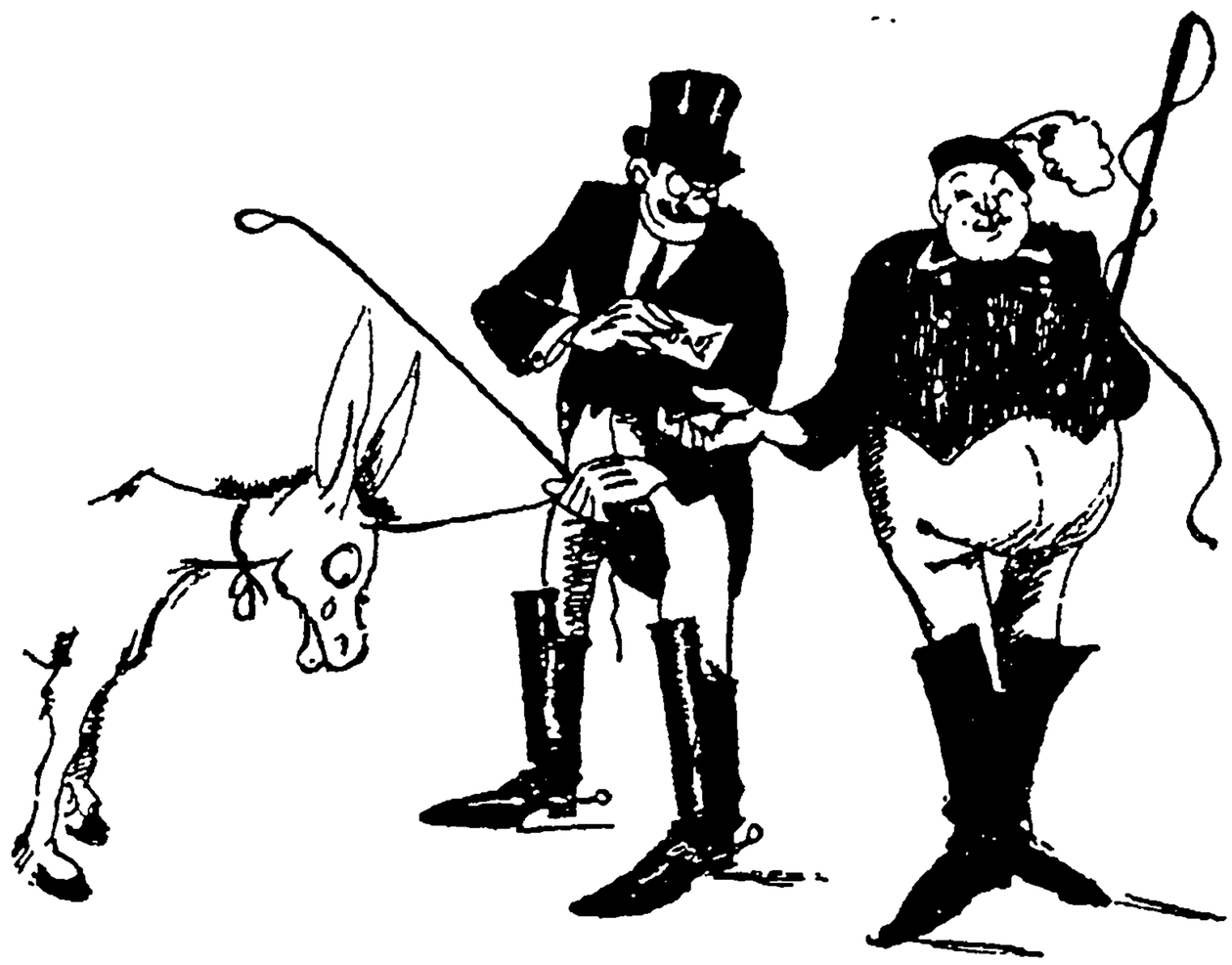
— Я тоже! — вскрикнул Пиноккио.

И оба упали на пол на руки и на ноги и забегали на четвереньках по комнате. Во время этой безумной беготни их руки и ноги превратились в ослиные лапы, спины изогнулись и покрылись шерстью, а лица вытянулись в ослиные морды. Но самая ужасная минута была впереди: вдруг они почувствовали, как сзади стало расти по хвосту! Они принялись было плакать, но из горла раздавались хриплые звуки, ослиными голосами они оба начали кричать: иа! иа! иа!

А в эту минуту раздался оглушительный стук в дверь:

— Отворите! Это я, кучер. Отоприте, вам говорят!

Два осла и рады были бы отпереть, да только глядели на дверь, хлопали ушами.



Пиноккио ведут продавать

Потеряв терпенье, кучер вышиб дверь пинком здоровенной ноги и, войдя в комнату, довольно ухмыльнулся:

— Великолепно! Я этого давно ждал и во-время за вами пришел...

При этих словах Пиноккио и Фитилек понурились, как настоящие ослы с опущенными ушами, с хвостом между ног.

Кучер похлопал их по спинам, потом почистил скребницей, и когда шерсть у них заблестела, как шелковая, взнуздал и повел на площадь продавать.

Покупатели не заставили себя ждать. Фитилька купил крестьянин, у которого два дня назад издох осел, а Пиноккио купил директор цирка. Покупая, сказал, что намерен его выдрессировать, научить танцовать и скакать через обручи.

Теперь не трудно понять, что за плут был кучер, который привез мальчишек в «Страну Дураков». Этот негодяй, время от времени, запрягал телегу и пускался по свету, разыскивая глупых мальчишек, которые не желали учиться. В «Стране Дураков» они один за другим превращались в ослов. Этого-то ему только и нужно было. Обманщик на своем ремесле наживал большие деньги.

Неизвестно, какая судьба постигла бедного Фитилька, но Пиноккио с первых же дней повел ужасную жизнь.

Новый хозяин, как только привел его домой, сейчас же задал корму. Это была солома! Пиноккио ее немножко пожевал и с отвращеньем выплюнул. Хозяин заворчал, но принес сена. То же случилось и с сеном.

— Жри сено, — заорал на него хозяин, -- я вышибу дурь из твоей башки.

И он изо всех сил вытянул его хлыстом по спине.

— Иа! Иа! Я не могу есть ни соломы, ни сена! — хрипло кричал Пиноккио.

Хозяин отлично понимал ослиный язык.

— Цыплятами мне тебя что ли прикажешь кормить? — и он вытянул его во второй раз хлыстом по ногам.

Пиноккио понял, что все споры бесполезны и замолчал.

Хозяин запер стойло и ушел. Пиноккио остался один-одинешенек, зевая от голода. Наконец, увидя, что никакой другой еды нет, принялся жевать сено, как настоящий осел.

Проснувшись на рассвете, он поискал вокруг — сена больше не было. Все с'ел! Стал жевать тогда солому. «Терпение, терпение», повторял он, пережевывая солому.

— Ага, терпение, — крикнул хозяин, входя в стойло. Ты еще разговариваешь! Думаешь, что твое дело только жрать, да спать? Ошибаешься, голубчик! Не для этого я тебя купил. Ты у меня будешь танцовать вальс на задних ногах, и прыгать через обручи. Ну, поворачивайся, лентяй! Раз, два, — прыгай... Раз, два — морду выше... Раз, два.

Так бедный Пиноккио под градом ударов, вечно голодный, научился всевозможным прекрасным вещам: ходил на задних лапах, скакал через обручи, кувыркался, кланялся. И вот, наконец, настал день, когда директор цирка назначил первое представленье с его участием. Разноцветные афиши были расклеены на всех углах.

В этот знаменитый вечер, конечно, все билеты раскупили нарасхват, и в цирке негде было упасть яблоку за час до спектакля.

Около кассы и на ступеньках цирка дети стояли толпой. Всем хотелось посмотреть знаменитого осла Пиноккио.

Как только кончилось первое отделение, директор цирка, одетый в черную куртку с позументами, в белых панталонах и высоких сапогах появился на арене и торжественно провозгласил:

Сегодня вечером

НЕБЫВАЛОЕ БЛЕСТЯЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Участвует вся труппа

Выступление Знаменитого Осла

ПИНОККИО

по прозвищу — „Звезда Танцев“

Полное освещение

Духовой оркестр

— Милостивые дамы и уважаемые кавалеры! Находясь проездом в этом прекрасном городе, я позволю себе представить почтеннейшей публике знаменитого осла, по имени Пиноккио, который имел честь танцовать при дворе его звездного величества короля Никобарского.

Гром аплодисментов заглушил конец речи директора цирка.

Но цирк содрогнулся с верху до низу от восторга, когда на арене появился сам знаменитый Пиноккио. Шерсть его блестела как атлас. Кожаные уздечки с медными бляшками горели, как золото, из-за каждого уха свешивалось по белой розе, кончик хвоста был заплетен во множество косичек с красными бантиками, грива расчесана и перевита серебряными нитями. Одним словом, появился такой нарядный ослик, что все его сразу полюбили.

Директор цирка, представляя его публике, сказал:

— Уважаемые дамы и кавалеры! Не буду вам рассказывать о тех трудностях, с которыми я встретился во время дрессировки этого дикого осла, привыкшего скакать на свободе по полям и лесам. Посмотрите в его глаза, — сколько в них упрямства! Чтобы выдрессировать этого четвероногого злодея, мне не раз приходилось прибегать к хлысту. Он зол и непослушен, но я сумел его усмирить. Посмотрите и полюбуйтесь моим искусством!

Сделав глубокий поклон, директор цирка скомандовал:

— Вперед, Пиноккио! Раскланяйся с дамами и кавалерами!

Пиноккио, послушно согнув передние ноги, опустился на песок арены и остался так, с опущенной головой, пока директор не скомандовал снова:

— Шагом!

— Карьером!

Пиноккио летел, как ветер, и, вдруг, споткнулся, это нужно было по программе, хозяин выстрелил из пистолета холостым зарядом перед его носом и осел упал, словно мертвый. Хозяин вынул платок и заплакал от горя. Тогда Пиноккио вскочил, положил передние ноги на плечи хозяина и поцеловал его мордой в лицо. В этом и заключался номер..

Аплодисментам, смеху, крикам восторга не было конца.

Вставая, Пиноккио поднял голову и посмотрел в публику, и... боже мой! боже мой!.. в одной из лож в первом ряду сидела прекрасная дама. На золотой цепочке у нее висел эмалевый медальон с портретом Пиноккио. Это была Волшебница. Пиноккио хотел закричать, пожаловаться, но из горла его выдавилось только хриплое:

— Иа! Иа! Иа!

Тогда директор так хлестнул его по спине, что у бедного осла искры из глаз посыпались. Опомнившись, он посмотрел на ложу Волшебницы, но ложа была уже пуста.

Бедный Пиноккио! Глаза его наполнились слезами. Но хозяин уже весело кричал:

— Пиноккио! Покажи теперь, как ты скачешь через обручи!

Пиноккио собрал последние силы и начал скакать. Но был так огорчен, что два-три раза не мог попасть в обруч, а на третий завяз в нем и упал на арену, как мешок.

Он встал, хромая, и хозяин отвел его в стойло.

На утро позвали ветеринара, и тот нашел, что осел останется хромым на всю жизнь.

— На кой чорт мне нужен хромой осел! Пойди, продай его, — сказал конюху бессердечный директор цирка.

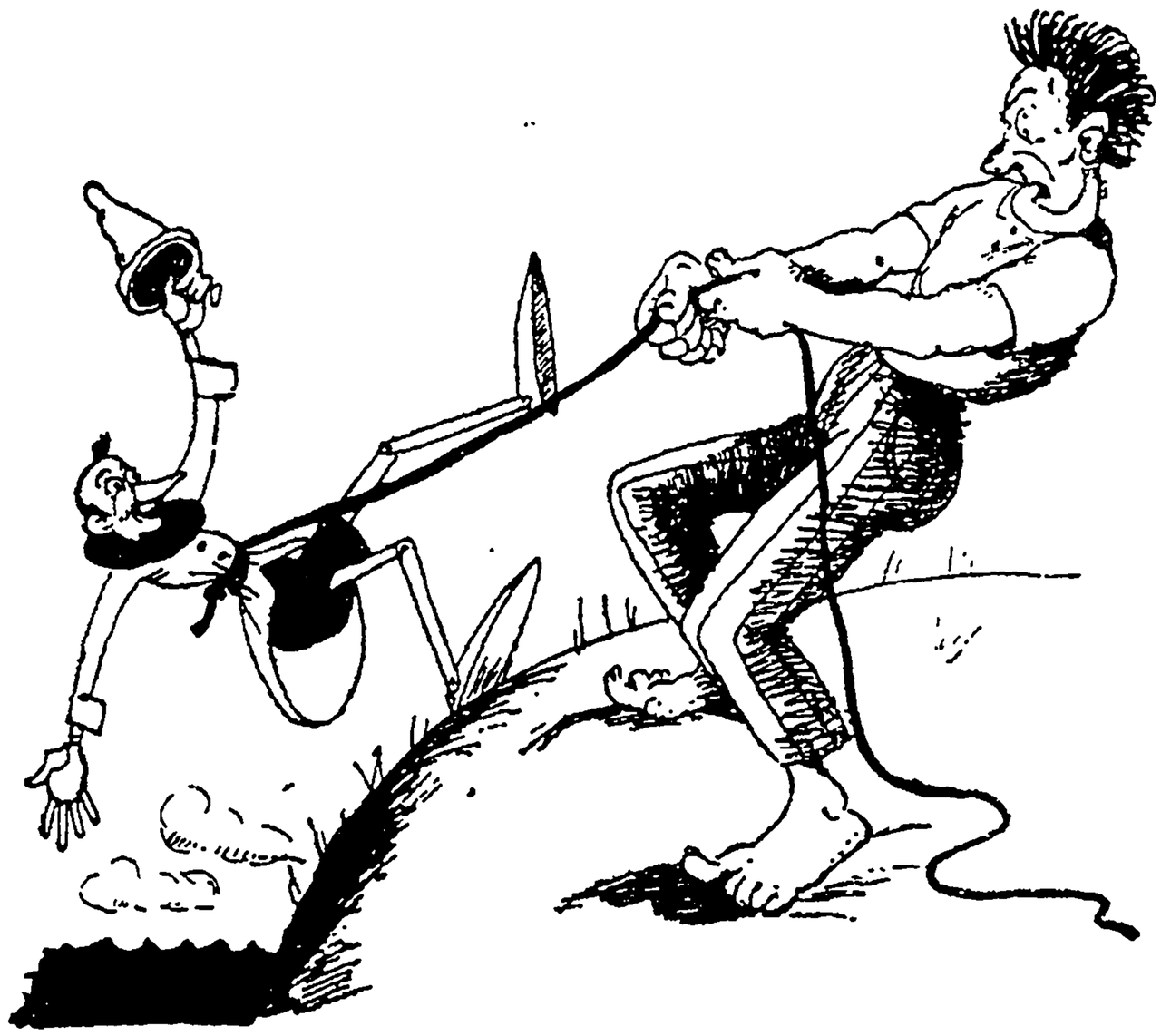
Пиноккио повели на площадь продавать. Сейчас же нашлись покупатели.

— Сколько хочешь за твоего хромого осла? — спрашивали они.

— Двадцать лир.

— Двадцать сольдо! — сказал один мужик. — И этих денег у других напросишься. Я покупаю его на шкуру, из нее выйдет хороший барабан. У нас в деревне у музыкантов нет барабана.

Торг заключили. Мужик привязал на шею Пиноккио длинную веревку, повел его на берег моря, забрался на скалу и оттуда спихнул его в воду. Держа веревку в руках, он уселся и стал ждать, когда осел потонет, чтобы потом вытащить его и с мертвого содрать шкуру.



Пиноккио превращается снова в деревянного Петрушку

Прошло около часу. Мужик подумал:
— Теперь осел уже наверное сдох.

Он взялся за веревку. Тянул, тянул, тянул, и вдруг увидел в петле вместо мертвого осла — живой Петрушка. Мужик так и заревел с горя:

— Ой, ой, ой, а куда же мой осел делся?

— Это я, — осел, — весело крикнул Пиноккио.

— Не шути так со мной... Ой, ой, ой, — пропали мои двадцать сольдо.

— Я не шучу, вы развяжите петлю, тогда все вам об'ясню.

Когда петля была развязана, Пиноккио отряхнулся, уселся на выступе скалы и, болтая ножками, стал рассказывать.

— Я, видите-ли — Петрушка. Это — очень скучно. Но меня ожидало счастье сделаться настоящим мальчиком. А я наслушался про страну дураков, убежал из дому и попал в беду. Однажды я превратился в осла с длинными ушами и с хвостом. То же случилось и с моим товарищем. Нас повели продавать. Меня купил директор цирка. Он сделал из меня знаменитого танцора и гимнаста. Но однажды, прыгая через обручи, я зашиб ногу. Тогда директор послал меня продавать, и вы купили...

Мужик слушал и скреб за ушами, дело принимало для него неприятный оборот.

— Значит, пропали мои двадцать сольдо. Где же я возьму теперь шкуру для барабана?

— Мало ли хромых ослов на свете!

— Не шути, мне очень досадно, — сказал мужик. — Ну что же, значит, на этом и кончается твоя история?

— Нет, история здесь вовсе не кончается. Волшебница, — вы знаете, конечно, про знаменитую Волшебницу, — оказывается она знала все, что со мной произошло, как только увидала, что вы меня бросили в воду и я тону, — послала на помощь мне целую стаю рыб. Они меня приняли за мертвого и начали есть. Кто грыз уши, кто лапы, кто кожу, кто мясо, — были и такие, что начисто отгрызли хвост!

— Мне наплевать на твои сказки, — закричал мужик, совсем рассердившись. Я заплатил за тебя двадцать сольдо и желаю их получить обратно. Понесу тебя на базар и продам на дрова!

— Ну-ка отнеси! — крикнул Пиноккио и, высунув мужику язык, прыгнул в море, и сейчас же скрылся в волнах.

Через минуту он уже виднелся далеко, далеко крохотной темной точкой на белых гребнях, и весело кричал мужику:

— Когда будешь натягивать шкуру на барабан — вспомни обо мне... Прощаааааай!!...

Пиноккио плыл на удачу, куда глаза глядят, и вдруг просто замер от восхищенья: из воды выступала белоснежная, мраморная скала, а с вершины ее приветливо кивала головой хорошенькая, голубая козочка. Пиноккио узнал ее сейчас же, и с бьющимся от радости сердчишком, напрягая все усилия, поплыл к скале. Оставалось два раза взмахнуть руками, — вон она, — козочка, — бьет копытцем по мрамору!

Но вдруг — огромная голова акулы, разинув зубастую пасть, высунулась из воды. Пиноккио бросался то вправо, то влево, но акула всюду настигала.

— Спасайся, Пиноккио! — кричала козочка. Спасайся! Она тебя проглотит. Берегись! Скорей! Скорей!..

Вот и скала... последним отчаянным усилием Пиноккио вцепился в нее обеими руками, и козочка протянула ему передние ножки. Но было уже поздно!

Чудовище втянуло в себя воду и Пиноккио, да с такой неслыханной силой и жадностью, что, падая в желудок акулы, он обо что-то ударился и с четверть часа лежал без сознания.

Наконец он пришел в себя: вокруг было черно, как в чернильнице. Пиноккио прислушался, была глубокая тишина, только равномерными порывами откуда то налетал сильный ветер. Он долго не понимал, откуда дует этот ветер, но потом догадался: что это — акула должно быть страдает на старости лет отдышкой.

Пиноккио стал шарить вокруг. Выхода нет! Он проглочен, закупорен в брюхе морского чудовища! Впереди только страшная смерть.

— Помогите! Караул! Караул! — вопил он, мечась в темноте.

— Кто тут тебе может помочь, несчастный! — загудел где-то близко глухой голос, словно оборвалась басовая гитарная струна.

— Кто там?

— Я — бедный Тонно,*) проглоченный акулой вместе с тобою. А ты что за рыба?

— Я вовсе не рыба, я Петрушка. Но что же нам теперь делать?

— Надо помириться с горькой участью и ждать, когда акула нас переварит.

— Но я вовсе не хочу, чтобы акула меня переварила!

— И я тоже бы не хотел, — грустно сказал Тонно, — но что поделаешь? Может-быть, лучше умереть в родном море, чем быть с'еденным людьми...

— Ты как знаешь, а я убегу отсюда, — решительно сказал Пиноккио.

— Попробуй!

— И попробую... А как велика эта акула? — в раздумьи спросил Пиноккио.

— Да, не маленькая.

Во время этого разговора показался слабый огонек.

— Кто это там?

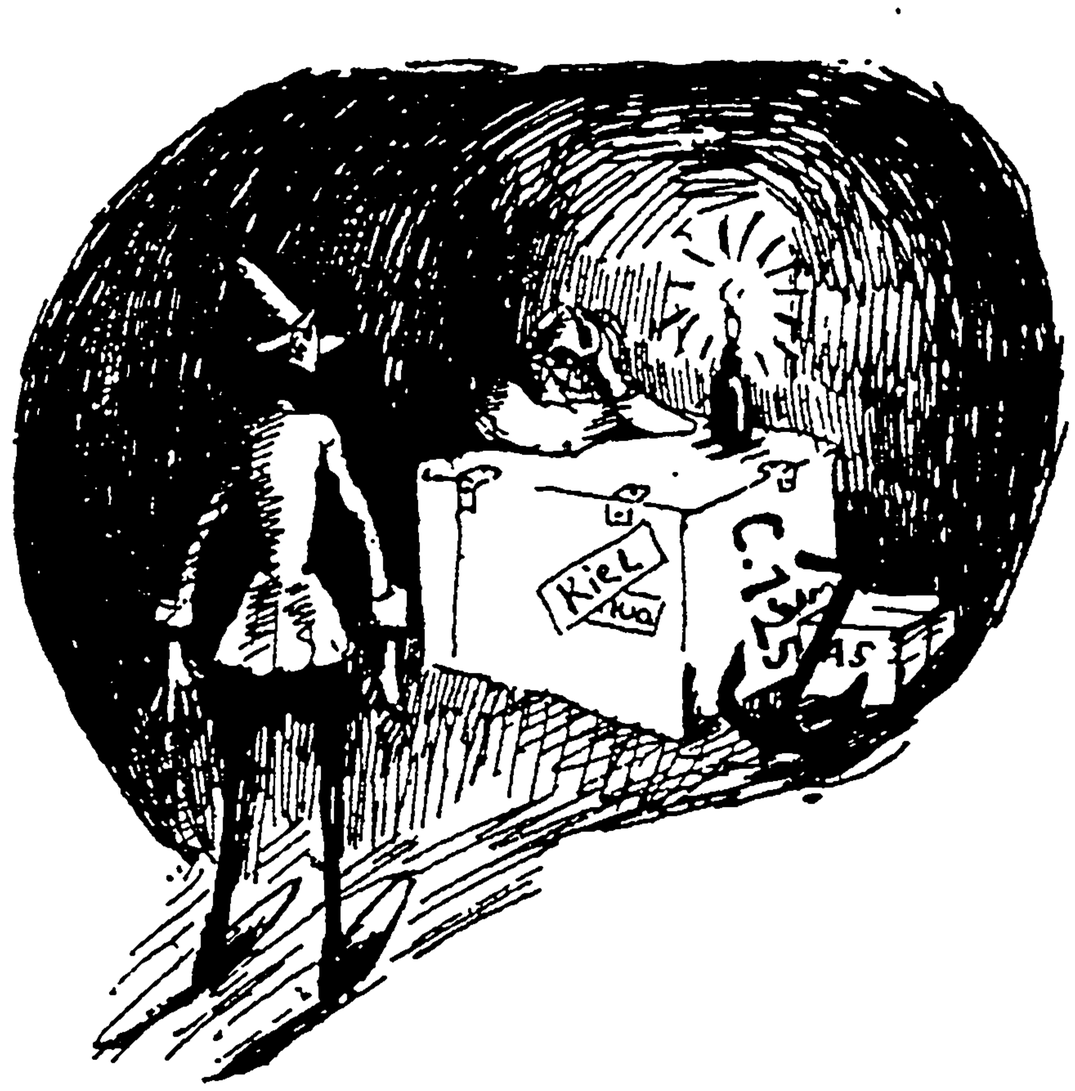
— Так какой-то сидит, ждет, когда переварится.

Пиноккио подумал и сказал:

— Прощай, Тонно! Все-таки я попробую удрать отсюда.

— В добрый час, Пиноккио.

*) Тонно — огромная морская рыба. Ее мясо походит на говядину.



Пиноккио встречается с папой Карло

Скользя в темноте, Пиноккио пошел на мерцающий огонек.

Под ногами хлюпала вонючая, жирная каша. Это была рыба, уже переваренная в желудке акулы. Содрогаясь от ужаса и отвращения, Пиноккио шел все вперед и вперед на огонек. Огонек светлел. И... но тут уже Пиноккио едва не спятил от изумления и радости. Он увидел в уголку, в складках желудка, ящик, на нем свечу, остатки еды и сидящего перед ящиком, положив на него локти, — самого папу Карло... Борода у него была совсем седая, лицо грустное...

Пиноккио задрожал и не мог выговорить ни слова.

— Папа Карло! — крикнул он, бросаясь к старику на шею.

— Пиноккио!.. Не верю глазам... Ты-ли это?..

Папа Карло щупал, вертел Петрушку, целовал его, гладил...

— Это я! Это я! — лепетал Пиноккио. — О, если бы вы знали, сколько несчастий мне пришлось пережить. Помните тот холодный день, когда вы продали куртку, чтобы купить мне азбуку? А я, гадкий, неблагодарный, не пошел в школу, а убежал в кукольный театр. Директор театра хотел меня бросить в печку, чтобы дожарить барана... Но потом дал мне пять золотых, чтобы отнести вам... По дороге я встретил Лису и Кота, — они заставили заплатить за ужин, а сами убежали. Ночью на меня напали раз-

бойники и повесили на суку... Я совсем уже умирал, но Волшебница послала за мной коляску и перевезла в свой домик... Потом я выздоровел... Волшебница спросила меня, где золотые... Я... солгал... и у меня вырос нос...

Пиноккио вытер слезы. Рассказ длился ужасно долго. Папа Карло рыдал, опираясь локтями о ящик.

Наконец, Пиноккио спросил:

— Сколько времени вы здесь в акульем брюхе?

— Ах, и не спрашивай — долго.

—Но как же вы не умерли с голоду? Где вы взяли свечи, спички, еду?

— Я тебе все сейчас расскажу, — проговорил папа Карло. — Помнишь, была жестокая буря в тот день, когда я поплыл за море тебя искать? Лодочка моя потонула, как скорлупка, и тут же рядом погибал торговый пароход. Команда спаслась, но пароход пошел ко дну. Акула в тот день должно быть очень проголодалась и глотала все, что ей ни попадалось на язык, — ящики, людей, веревки, боченки... На мое счастье этот пароход оказался нагруженным консервами мяса в жестяных банках, бисквитами, сухарями в коробках, бутылками с вином, стеариновыми свечками и шведскими спичками. Попал и я ей в брюхо... Поосмотрелся и, вот видишь, устроился понемножку... А свечечек то у меня больше нет, последняя. Останемся оба в темноте!

— Тогда, папа Карло, нужно сейчас же бежать!

— Куда бежать?

— В море!..

— Тебе хорошо говорить, но я плавать то не умею.

— Это не беда, сядете на меня верхом.

С этими словами Пиноккио взял папу Карло за руку и повел его, освещая свечей отвратительную эту дорогу. Так шли они долго по желудку акулы, вошли в горло, приостановились, осмотрелись. Нужно вспомнить то, что акула страдала отдышкой и спала всегда с открытой пастью. Пиноккио выглянул из акульего рта и увидал спокойное море, освещенное луной.

— Бежим! — шепнул он, — акула дрыхнет, море как зеркало, луна, светло. Бежим!

Через горло они прошли в пасть и, осторожно придерживаясь за язык спящего чудовища, доползли уже до того места, откуда хотели броситься в море.

Но, о ужас! Акула чихнула... и втянула их обратно в желудок. Свечка упала и погасла. Беглецы остались в глубокой темноте.

— Что же теперь делать?

— Пропали! — сказал папа Карло.

— Дайте руку! Пойдемте. Не падайте духом!

— И опять Пиноккио потащил папу Карло в темноте по отвратительному желудку. Опять добрались они до акульего рта и цепляясь за язык, поползли через всю пасть и чуть не завязли в тройном ряду зубов. Снова впереди показалось море, ярко освещенное луной.

— Прыгаем! Держитесь крепче за меня, — быстро прошептал Пиноккио. Море было, как зеркало. Акула дрыхла, похрапывая, ее бы и пушки не разбудили. Беглецы кинулись в воду.

Пиноккио плыл, таща за собой папу Карло, задыхаясь от тяжести, но не терял мужества. Берег был еще очень далек. Папа Карло начал дрожать с головы до ног от холода и слабости.

— Ну-ка еще немножко потерпите, — крикнул Пиноккио, — сейчас — берег.

— Не могу больше... Тону... Прощай...

— Кто тут вздумал тонуть? раздался глухой голос, похожий на звук басовой гитарной струны. И сейчас же около погибающих беглецов показался Тонно.

— Тонно, милый, спаси нас! — крикнул Пиноккио.

— Это можно... Держите меня оба за хвост покрепче. В пять минут будем на берегу. А я ведь тоже удрал вслед за вами... Хо-хо-хо...

Пиноккио и Карло не заставили себя упрашивать, и крепко уцепились за хвост доброй рыбы, а затем, чтобы было удобнее, перебрались к ней на спину.

Но вот — наконец — и берег. Пиноккио первым соскочил на песок и в восторге закричал:

— Позволь мне расцеловать тебя, миленький Тонно!

Тонно высунул морду из воды и тотчас же после поцелуя сконфуженно нырнул в воду. Он не привык к таким нежностям.

— Куда же теперь мы пойдем? — спросил Карло.

— Пойдем, попросимся у кого-нибудь отдохнуть и обсушиться.

Не прошли они и сотни шагов, как посреди улицы им попались два жалких нищих, выпрашивающих милостыню у прохожих. Это были Лиса и Кот. Но их и узнать то было трудно. Кот прежде только притворялся слепым, а теперь ослеп на самом деле. Лису разбил паралич, и она была даже без хвоста, — продала его однажды старьевщику в черный, голодный день.

— Пиноккио, дорогой мой! Подай милостыньку двум несчастным калекам! — запела Лиса, протягивая облезлую лапу.

— Проходите, обманщики! — сурово ответил Пиноккио. Скажите спасибо, что в участок вас не отведу за ваши проделки...

Пиноккио и Карло продолжали путь, пока не увидали вдали жилье. Это была маленькая хорошенькая избушка с черепичной крышей, очень приветливая с виду. Беглецы постучались в дверь.

— Кто там? — спросил изнутри голосок.

— Несчастные путники без крова и хлеба, — ответил Пиноккио.

— Войдите. Дверь не заперта.

Они вошли. Никого.

— А где же хозяин? спросил Карло.

— Я здесь, — ответил тот же голосок с потолка.

Пиноккио поднял голову и увидал сидящего на балке Говорящего Сверчка.

— Дорогой Сверчок, ты жив, значит?

— Ага, теперь ты называешь меня «дорогим», а помнишь, как запустил мне в голову молотком.

— Ах, все это верно, — вздохнул Пиноккио. — Виноват я перед тобой... Прогони нас, мы уйдем.

— Я не помню зла, — ответил Сверчок. — Оставайтесь, располагайтесь, как дома.

— Это твой дом? — спросил Пиноккио.

— Мой собственный.

— Кто его тебе подарил?

— Волшебница...

Пиноккио подскочил, как ужаленный:

— Где она сейчас? Она придет сюда?

— Нет, она никогда больше не вернется. Она уехала. Когда уезжала — все вздыхала печально, повторяла! «Бедный, бедный Пиноккио! Я не увижу его больше никогда. Его проглотила акула».

Пиноккио горько заплакал. Выплакавшись, он вытер глаза, постлал для папы Карло соломки на лавку и спросил Говорящего Сверчка:

— Где бы тут достать стаканчик молока?

— Версты три отсюда живет молочник Гвидо, сбегай к нему.

Пиноккио побежал, но молочник даром молока дать не захотел.

— Деньги заплати. Три сольдо!

— Но у меня нет ни гроша!

— А у меня нет молока!..

Пиноккио повесил голову, пошел, еле передвигая ноги.

— Постой! — остановил его молочник. — Ты умеешь вертеть колодезное колесо?

— Умею.

— Так вот, — ты будешь ходить и вертеть колесо, а я буду считать ведра. Когда будет начерпано сто ведер, дам тебе молока.

— Ладно!

Молочник повел Пиноккио в огород и научил вертеть колесо. Пиноккио вертел его, обливаясь потом, а молочник рассказывал:

— Раньше у меня это делал осел, а теперь он, кажется, собирается сдохнуть.

— Позвольте посмотреть на него.

— Пойди, пожалуй, посмотри.

В стойле лежал при последнем издыхании изнуренный голодом и непосильной работой осел.

Пиноккио пристально посмотрел ему в глаза: осел был знакомый... ужасно даже знакомый...

— Как тебя зовут, — спросил он, нагибаясь к бедняге.

— Фи-ти-лек! — промычал несчастный. Закрыл глаза и вздохнул глубоко в последний раз.

— Бедный Фитилек! — прошептал Пиноккио, вытирая рукавом слезы.

— Ты плачешь об осле, который тебе не стоит ни гроша, а что же я должен делать, — у меня денежки пропали, — сказал молочник.

— Я плачу, потому что это мой друг.

— Что? Это осел то твой друг?

— Ну да, школьный товарищ.

— Как? как? — захохотал молочник. — Школьный товарищ? Это осел то? Хороша была школа!

Пиноккио не сказал больше ни слова, взял молоко и побежал к отцу. С этого дня в течение пяти месяцев он бегал на ферму каждое утро на рассвете и вертел колесо за стакан молока. В свободное время днем он плел корзиночки на продажу. По вечерам учился, читал и писал. Не было чернил, — макал гусиное перо в вишневый сок, и выходило очень хорошо.

Однажды утром он сказал папе Карло:

— Пойду сегодня на рынок, хочу купить курточку, шапку и сапоги. Когда вернусь, ты меня и не узнаешь!

Когда Пиноккио вприпрыжку бежал на базар, его окликнули:

— Пиноккио!

Он остановился. Большая улитка, шевеля рогами, сидела на плетне.

— Не узнаешь?

— Нет... Что то не припоминаю.

— А помнишь Улитку, которая отворила тебе дверь в домике Волшебницы.

— Вспомнил! Вспомнил! А где Волшебница?.. Она уехала?.. Делеко? Вспоминает ли меня? Увижу я ее когда нибудь?

На все эти вопросы Улитка ответила, как и подобает, совсем не спеша:

— Волшебница очень обеднела и лежит сейчас в больнице. У нее нет ни сольдо, даже есть нечего.

— Вот, послушай, — торопливо проговорил Пиноккио, — вот сорок сольдо, больше у меня нет, я хотел купить себе курточку... но мне не надо! Отнеси их Волшебнице. Завтра опять приходи на это место, я принесу еще денег.

— Спасибо, — поджав рога, сказала Улитка и взяла деньги.

Когда Пиноккио вернулся домой, Карло спросил:

— А где же новая курточка?

— Не нашел ни одной по росту.

В этот день Пиноккио работал до полуночи и вместо восьми корзин сплел шестнадцать. Заснул он, как убитый, и приснилась ему Волшебница. Она ласково обнимала его за плечи и говорила:

— Милый Пиноккио! Наконец, ты меня порадовал. Если останешься таким же навсегда, увидишь, какая радость тебя ожидает.

В эту минуту Петрушка проснулся, пощупал себя и вдруг закричал от радости, он был весь мягкий, не деревянный, а как все его товарищи. Он вскочил с постели, все еще протирая глаза, все еще не веря, что исполнилось его заветное желание.

Вместо тесной каморки, где он заснул вчера, он увидел светлую комнату с чистой мебелью, на табуретке около кровати лежал новенький костюмчик, шапочка и новые сапоги.

Он сейчас же оделся, засунул руки в карманы и вытащил оттуда портмонэ из слоновой кости. На его крышке было выгравировано золотыми буквами:

Волшебница с голубыми волосами возвращает свой долг в сорок сольдо милому Пиноккио.

Пиноккио, рассматривая подарок, нечаянно увидал себя в зеркале. Из зеркала глядел на него хорошенький голубоглазый мальчик. Это был он сам. Ему казалось, что все это сон.

В соседней комнате сидел папа Карло в новой суконной куртке, и работал, мастерил чудесные игрушки.

На полу около его стула сидел деревянный Петрушка. Голова его повисла на бок, руки упали вдоль туловища, тонкие ножки согнулись в коленях, и никто бы не поверил, что когда-то он умел бегать, плакать и смеяться.

— А это, дружок, — это — ты же сам... Но не бойся, плохие дни миновали, это — только кукла, а ты — Пиноккио... С добрым утром!

— А это кто? — со страхом спросил Пиноккио, показывая пальцем на Петрушку.